

АЛЕКСАНДР СЕЛИВАНОВ

РАЗВИТИЕ ОБЪЕКТОВ

НАУКА УПРАВЛЕНИЯ БУДУЩИМ

Александр Селиванов

**Развитие объектов. Наука
управления будущим**

«Алисторус»

2016

УДК 6а316
ББК 60.5

Селиванов А.

Развитие объектов. Наука управления будущим / А. Селиванов —
«Алисторус», 2016

ISBN 978-5-906880-30-7

В книге на основе рациональной материалистической философии и системы научного познания осмысливается феномен развития, онтологические и культурологические основания познания конкретных развивающихся объектов (от Метагалактики – до человеческих сообществ и личностей), исследуются возможности метафизики «стрелы времени» для практики научного познания и строительства будущего, управления будущим. Большое внимание уделяется пониманию роли и места русской культуры в освоении будущего.

УДК 6а316
ББК 60.5

ISBN 978-5-906880-30-7

© Селиванов А., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Введение	5
Часть 1	9
Глава 1. Процессуальность в мировоззренческих системах	9
Глава 2. Метафизика процессуальности в комплексе природно-социально-духовных оснований функционирования, развития и конкуренции культур и цивилизаций	31
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Александр Селиванов

Развитие объектов. Наука управления будущим

Введение

Планетарная и метagalacticкая реальность во многих ее аспектах является развивающейся. Это утверждение для людей, получивших классическое образование в России, представляется понятным и даже банальным. Так, привычно полагать, что в процессе становления развивается Вселенная, развивается планета Земля и природа на ней, развивается общество и различные сферы его жизнедеятельности, человеком в процессе его деятельности развивается искусственная среда, развиваются собственные интеллектуальные, духовные и физические возможности человека, развивается всякая личность. Вполне очевидным представляется некоторое поступательное движение человечества в целом «вперед», в сторону расширения возможностей человека на планете, совершенствование различных сторон жизни как в качественном, так и в количественном (в смысле распространения по планете и в разных природных средах) измерениях, изменения самого качества жизни в материальной ее части – производство, техника, технологии, обеспечивающие возможность этого, развиваются культуры.

Однако при внимательном рассмотрении указанные «привычность» и «банальность» оказываются кажущимися. К удивлению широкой публики, приходится констатировать, что понимание мира как развивающегося отнюдь не является универсальным и общепринятым в мире, в том числе среди людей, принадлежащих к образованным (просвещенным) культурам. Такое понимание в лучшем случае существует лишь у той части человечества, к которой принадлежит Европа, Россия и их культурные спутники, в том числе Северная Америка, по своей численности составляющие от силы треть-четвертую часть населения планеты. Все это несмотря на то, что за полтора столетия у науки и философии накопилось достаточно доказательств в пользу объективной реальности процессов развития в природе и идеальных сферах человеческого сознания и познания.

Уже здесь возникает загадка, с которой есть смысл разобраться.

Конечно, в определенной мере причина ограниченности распространения научной идеи развития заключается в том, что значительная часть человечества пока не достигла высот образования и просвещенной культуры, на которых возможно такое научное знание о динамике мироздания. Для начала действительно необходимо понимать тот факт, что вне полноценной культуры научного знания в настоящее время пребывает добрая половина человечества, а некоторая часть продолжает жить в эпоху первобытного родоплеменного строя. Причем, речь идет не только о туземцах Африки или жителях островов Юго-Восточной Азии, но и о части населения, проживающих на территории наиболее развитых стран. В США, например, из 300 млн. населения – 50 млн. безграмотных, в постсоветской России безграмотность также распространяется высокими темпами и на сегодня составляет среди детей и подростков школьного возраста более 1 млн. человек, не говоря об иммигрантах из различных бывших советских республик и других стран. Эта часть человечества автоматически «исключена» из научного культурного поля и не способна руководствоваться научным знанием как инструментом осуществления собственного бытия.

Однако относительно идеи развития речь идет не только и даже *не столько* об этом. В первую очередь речь идет о культурной специфике восприятия процессуальности бытия в различных мировоззренческих системах современности – философских, религиозных, мифо-

логических, мистических (и эзотерических) идеальных системах, о порой противоположных позициях в решении тех или иных проблем процессуальности в рамках различных культурных систем. Такой подход позволяет идентифицировать культурную принадлежность идеи и практики развития, связав его с культурами «стрелы времени», исследованию чего посвящена часть работы. Причем, исследование естественным образом ведется «сквозь призму» русской культурной традиции.

Другой «неожиданный» пласт проблемы. О развитии говорится много, понятие развития стало буквально обиходным. Например, огромное множество книг заполнено терминами «устойчивое развитие», «экономический рост», демонстрируя, что человечество активно занимается этим, а порой начинает задыхаться от отсутствия комплексных решений множества проблем природного и социально-культурного развития. Другой пример – руководство нашей страны, осознавая все более сложную сплетенность планетарного бытия, в прикладной плоскости перед ведомствами, работающими на экономику, внешнюю политику, военную стратегию, ставят целью развитие экономики, задачу «работать на опережение»¹. Логично было бы полагать, что проблема развития как фундаментальное и прикладное направления научных исследований в этих условиях будет активно разрабатываться. Однако здесь нас ожидает другая загадка – при все ускоряющихся темпах развития на планете и определенных усилиях в нашей стране философские и научные исследования развития свертываются или прекращаются совсем. Мало кто задумывается над тем, что исследования в области теории развития, даже прикладные, в мире практически не осуществляются, а в России *полностью прекращены* более 20 лет тому назад (как будто выключили свет). В нашей стране нет научных школ и остались лишь единицы специалистов по теории развития, а сама проблема ушла на далекую периферию науки. При том, что сам феномен развития в многообразии его конкретных проявлений и его философско-теоретическое осмысление остаются для научного человечества одной из глубочайших тайн, сокрытых за наслоениями поверхностного и неполного знания, очевидным и загадочным. Развитие и идеальное представление о развитии до сих пор предстают как одни из крупнейших философских и научных проблем современности мирового масштаба. И одновременно – этот блок проблем перестал быть предметом философского и научного поиска. В общественном сознании, в том числе в сознании современных научных работников и аналитиков-практиков, доминирует представление о развитии, сложившееся в объективном идеализме и материализме еще в середине XIX века и лишь *интерпретированное* сторонниками этих концепций. Поэтому в работе предпринимается попытка развернуть современное понимание природы развития на основе материалистической философии и комплекса наук о развитии.

Сам этот факт с научной точки зрения представляется нелогичным и необъяснимым в узко научном контексте. Для его понимания необходимо отойти от собственно научной и философской проблематики в область более широких – цивилизационно-культурных – пластов реальности. Поскольку основная причина тому – метафизические и мировоззренческие оппоненты идеи развития, в том числе среди элитных субкультур современности.

Вследствие отсутствия философских и научных исследований развития вокруг развития, вокруг будущего появляется все больше спекуляций, имеющих различные цели и масштабы – от «предсказания» судьбы до «предсказания» различных планетарных катаклизмов. Эти «предсказания» особенно нарастают в преддверие социальных катаклизмов, становясь основным стержнем информационной работы СМИ и важным компонентом современно управления. Естественно, что достоверность исполнения таких «прогнозов» практически нулевая. Однако в данном случае речь и не идет о попытках познания будущего и нужно говорить лишь о спекуляциях на незнании с целью дестабилизации общественного сознания и пси-

¹ Например, Президент России В. В. Путин заявил об этом на праздновании очередной годовщины Министерства иностранных дел 11.02.2013 г.

хоэмоциональной сферы, снижения возможной активности народа и ослабления сопротивления политическому управлению путем создания эффекта «катастрофического сознания» как основы пессимистически-апатического настроения. Речь идет об информационно-идеологическом феномене воздействия на массовое сознание с использованием сложности познания феномена будущего в целях управления.

Не является секретом и обманчивость впечатления о том, что только правители прошлого обращались к мистическим практикам, астрологам, оккультистам, шаманам (и т. д.), и что это пережиток дикого прошлого. Как это ни странно и печально в век науки, это – активная реальность нашей современности. Наступление антинаучного средневековья, в том числе в России, для многих и реальность, и ожидаемая, вожденная мечта.

Но на смену средневековью, шарлатанству, ремесленничеству в этой сфере должны прийти систематические и социально-ответственные разработки. И в настоящее время понятно, что все реальные (достоверные) прогнозы – это результат кропотливого систематического труда огромного числа специалистов, организованных во множество специализированных исследовательских учреждений. Такие системы все шире используются в развитых и интенсивно развивающихся странах.

И третий пласт. Современная мировая динамика предъявляет высочайшие требования к человечеству. Потому поступательное движение человечества в целом, различных стран и народов невозможно без углубления в понимание сущности процессов развития, уяснения смыслов, постановки целей при формировании будущего. Масштабы человеческого воздействия на биосферу и геосферу уже с середины XX века стали сопоставимы с масштабами других крупнейших природных феноменов. Теперь человек собственной материальной и идеальной деятельностью задает параметры предстоящего бытия, воздействует на темпы динамики мировых процессов и жизни, на процессы развития, им формируется будущее и осуществляется воздействие на такой фундаментальный атрибут бытия, каким является время. Это рождает активную *конкуренцию за будущее*.

Однако существующая гносеология, философская и научная методология, практика управления пока оказываются во многом бессильными перед лицом новых проблем, вызовов и угроз, в том числе создаваемых самим человеком. Это относится в первую очередь к проблемам развития, проблемам сильной неопределенности, к исследованию конкретных объектов. Главная проблема современности – недостаточно высокое качество управления сложной развивающейся реальностью, несоответствие уровня сложности (качества) субъекта управления уровню сложности объекта управления, в том числе недостаточный уровень философского и научного обеспечения управления. У некоторых даже возникают сомнения в способности рациональной философии, естественных и социально-гуманитарных наук дать адекватный ответ угрозам и вызовам неопределенности бытия, появляется серьезный скепсис в отношении их возможностей и попытки отрицать возможности науки (на основании недостаточного потенциала конкретных научных школ). Философские и научные исследования начинают замещаться иррациональными, обывательско-эмпирическими, эзотерическими, религиозными и иными подходами в стремлении получить доступ к принятию управленческих решений, власти, ресурсам.

Но ослабление философии и науки носит временный характер, и оно тоже пройдет. Человек научится сознательно управлять развитием, управлять будущим, управлять временем. Управление развитием и управление будущим начинает представлять как одно из любопытнейших интеллектуальных упражнений современности и будущего, имеющих как фундаментальные, так и прикладные аспекты. На смену захватывающей интриге технического созидания, совершенствования наук и технологий приходит еще более захватывающая интрига конструирования будущего и управления развивающимися мирами. Научная теория развития, основанная на рациональной философии, станет эффективным инструментом перспек-

тивной деятельности человека, важнейшим компонентом стратегического управления в национально-государственном и планетарном масштабах, в корпоративно-сетевом типе организации и управления. Перед человеком стоит комплексная задача – создать методологию и инструменты для того, чтобы уметь *заглянуть* в будущее, *попасть* в будущее до его наступления, *конструировать* будущее, *создавать* будущее и *управлять* им. Обсуждению этого комплекса проблем также уделяется внимание в работе.

Заключая введение, важно отметить, что в настоящее время философские системы и науки, связанные с будущим, становятся полем жесткой конкуренции. Наиболее конкурентоспособной является философия диалектического материализма, которая именно вследствие своего мощного потенциала замалчивается либо целенаправленно уничтожается ее оппонентами.

Но растерянность материализма перед лицом агрессивных оппонентов будет преодолена и именно обновленный материализм, выйдя на свет, откроет человеку новые горизонты в освоении развития, созидании будущего, поднимет планку в оценке самого человека до новых высот, создаст новое качество *человеческого в человеке*. На этой основе обретут силы люди, обеспокоенные судьбами человеческих сообществ, люди с чистым сердцем и добрыми помыслами, а не люди, движимые собственной корыстью, страстью власти, циническим презрением к человечеству. На этой основе строительство будущего перестанет быть чередой волюнтаристских и авантюрных проектов. Оно станет осмысленным, научно обоснованным и ответственным движением вперед – основанием движения в будущее станет сочетание *истинности знания и ответственности действия*.

Июнь 2016 года

Часть 1

Концепция развития как культурно-мировоззренческая ценность

Глава 1. Процессуальность в мировоззренческих системах

§ 1. Идеи и концепции процессуальности материального и идеального бытия являются органическим компонентом мировоззренческих (философских, религиозных, мифологических, мистических) и научных поисков².

Примечание 1. В природе и человеческой деятельности (в том числе в мыследеятельности, в природе идеального вообще) сосуществуют объективная и субъективная компоненты процессуальности. А именно – а) сущая реальность как таковая в сочетании ее материального и идеального и б) ее идеальное отражение человеком как субъектом познания и деятельности.

Примечание 2. Человек, осмысляющий мир и себя в этом мире, осознавая принципиальную важность процессуальности как свойства бытия, издревле³ не только *воспринимает*, но и *мыслит* бытие в совокупности всего сущего как изменчивое, подвижное, находящееся в постоянном *движении*, все формы которого реализуются как *процессы*.

В этой связи всякое воззрение на мир несет в себе органический, неисключаемый компонент осмысления процессуальности бытия. Причем, такого понимания, которое включает в себя *метафизику* и *диалектику процессуальности*, выражающие единство противоположных сторон процессуальности – изменчивости и неизменности (стабильности), *движения* и *покоя*, поскольку обе стороны противоположности в каждом отношении являются компонентами всякого процесса как природного феномена.

Естественно, что с момента возникновения науки она также постоянно исследует различные процессы, происходящие в природе.

Примечание 3. *Феноменальной сущностью* процессуальности бытия (как объективной и субъективной реальности) является наличие предыдущих и последующих состояний конкретных объектов. Понятие процессуальности далее используется только в данном смысле, предполагая также *типы* процессуальности (то есть типы процессов смены состояний).

При этом под *состоянием* конкретного объекта понимается сочетание элементного состава, комплекса и характера взаимодействия, потенциала и активности действий с соответствующим набором параметров (характеристик) элементной базы и взаимодействий (естественно, в единстве формы и содержания).

§ 2. Всякая концепция процессуальности (в том числе концепция развития) выступает как культурно укорененная парадигма, произрастающая на древе метафизических оснований мировоззренческого поиска той или иной культуры, осмысления ее бытия, созидания и конструирования бытия в процессе *человеческой деятельности как таковой*.

Разнообразие и различия концепций процессуальности определяется разнообразием метафизических оснований культур и мировоззрений. Существование множества мировоззренческих систем обуславливает существование множества концепций процессуальности как реализации осмысления соотношения бытия и движения. Вместе с множеством различных

² Это является следствием того, что процессуальность является атрибутом бытия. Анализ процессуальности бытия, в том числе доказательство атрибутивности процессуальности бытия, проводится в Части 2.

³ По крайней мере, с того времени, о котором можно судить по письменным источникам.

метафизических и мировоззренческих конструкций как идеальных системно организованных объектов, существовавших и существующих в культурах на планете, возникает, существует и исчезает множество концепций процессуальности. Как следствие, исторически и актуально в человеческой культуре всегда сосуществует несколько различных концепций процессуальности бытия (как сущности и как сущего).

Концепция развития является одним из культурно-исторических вариантов осмысления процессуальности.

Примечание 1. Метафизический и мировоззренческий поиск укоренен в конкретной культуре и ее реальной истории. Культуры в их истории и вся история человечества в целом, включая историю познания окружающего мира, метафизический и мировоззренческий поиск в собственном смысле слова, не унифицируемы, не могут быть приведены к универсальному «единому знаменателю» ни в прошлом, ни в настоящем, ни в обозримом будущем, неся в себе органическое сочетание общего и единичного.

Примечание 2. Данное утверждение относится как к культурной оболочке, так и к метафизическим основаниям культурной деятельности, к *метафизике*, под которой нужно понимать дискурсивный поиск оснований бытия мира и человека посредством мысленного выхода за пределы всякого сущего. Справедливо полагается *многими*, что в познании метафизических сущностей скрываются ответы на *последние* вопросы человека.

Метафизические конструкции, точно так же, как иные элементы культуры, наряду с некоторыми общими для многих культур элементами включают множество индивидуального, единичного, в том числе в наиболее заглубленных, основных, базовых элементах. Это объясняется природой метафизики, а именно тем, что метафизический поиск имеет объективно-субъективную природу и представляет собой культурно-субъективное идеальное отображение и преобразование объективной реальности «сквозь призму»⁴ человеческих предельных смыслов, вследствие чего имеет объективное и субъективное *содержание* и культурно-субъективную *форму*, реализуемую всякий раз некоторым культурно обусловленным идеально-материальным способом. Под культурно-субъективной обусловленностью субъекта необходимо понимать разнообразное (и порой причудливое) сочетание общечеловеческого, национально-культурного, субкультурного и личностно-культурного.

При этом нельзя говорить о первичности либо вторичности смысложизненных целей или метафизических сущностей и решений *в содержании субъективного* – их взаимообусловленность столь органична, что одно является причиной другого и, тем самым, причиной самого себя, и наоборот (подробнее об этом см. § 45).

Примечание 3. Каждая парадигма процессуальности в рамках всего комплекса метафизических решений конкретной культуры ответственна за решение наиболее глубоких экзистенциальных задач и проблем, проблем оправдания человека, проблем морального выбора. Поскольку парадигма процессуальности неразрывно связана со смыслом бытия (жизни, судьбы, истории) культуры и цивилизации, посредством решения этой проблемы и основанном на нем способе деятельности обеспечивая устойчивость культуры во времени и самость культуры.

§ 3. В истории человеческой мысли в различных ее метафизических и мировоззренческих типах (в осмысленно-рациональном виде – в философии, в нерационализированном виде в мифах, религиях, мистических учениях) исторически осуществилось (явлено) и теоретически мыслимо некоторое множество основных (базовых, принципиальных) типов концепций и подходов к осмыслению процессуальности бытия, которые сформировались в разные истори-

⁴ Удачное выражение Э. В. Ильенкова.

ческие эпохи и вокруг которых, собственно, формировались и оформлялись метафизические основания культур.

Данные концепции и подходы включают в себя объективный и субъективный компоненты *сущностного содержания* и субъективно-культурную *сущностную форму* представления процессуальности в человеческом идеальном⁵, в том числе и в особенности – через рациональное осмысление и результаты представления осмысленности процессуальности.

Объективный компонент содержания (характера) процессуальности имеет следующие существующие и потенциально возможные *базовые формы*: вечная процессуальность без направления; вечная ненаправленная процессуальность в сфере притяжения некоторого центра; вечная процессуальность по кругу (колесу); вечная процессуальность, направленная к некоторой точке (цели, концу); вечная процессуальность, постоянно делящаяся по целям и направлениям, наподобие ветвей дерева; временная процессуальность – до некоторого «упора», за которым следует отсутствие бытия и, соответственно, процессов; вечный покой; сочетание покоя и различных типов процессуальности в разных сферах бытия в разных комбинациях (в наиболее распространенном виде – процессуальность как внешнее, несущностное свойство, не присущее истинному бытию и присущее лишь неистинному).

Субъективный компонент содержания включает в себя следующие *базовые формы*: процессуальность как органическая и объективно положенная сущность мироздания, отражаемая субъектом (либо фатальная и неподвластная субъекту, либо дополняемая и корректируемая активностью субъекта) – причем, в материалистическом и объективно идеалистическом вариантах движущих сил процессуальности; процессуальность лишь как субъективное, внутреннее, присущее лишь субъекту и не имеющее объективного наполнения вне субъективного представления в мысли; процессуальность бытия как иллюзия (заблуждение) субъекта, ошибочное (ложное) его представление о реальности.

Субъективно-культурный компонент выражения процессуальности представлен следующими базовыми формами: тексты разного типа – системно-рациональные (в том числе рационально-философские и научные); мыслимые иррациональные (иррациональные философские системы, религиозные системы), метафорические сказания (сказки, былины, баллады, древние и современные мифы и т. д.); исторические повествования различного типа; авторизованные тексты и «откровения», воспринимаемые на веру; художественные образы; «тексты культуры» как артефакты и результаты практической деятельности человека.

Данные типы переплетаются в различных сочетаниях в рамках трехмерной матрицы.

Традиция – есть способ трансляции метафизики в культуру общества, в сознание и поведение личности, в личностные жизненные смыслы.

Дополнение 1. Исторически все указанные компоненты и типы компонентов во всех отношениях могут трансформироваться со временем, эволюционировать линейно либо ризомно-сетевым образом, тем самым порождая всякий раз новые формы, адаптированные к той или иной исторической и культурной среде⁶.

Дополнение 2. Кроме того, существует множество зауженных (фрагментарных, неразвернутых, не вполне явленных) типов и форм процессуальности в различных культурах. Однако концепция процессуальности в рамках всякого мировоззрения является органическим компонентом настолько, что не допускает ни недостаточности, ни излишков. Так, в условиях существования «примитивных» (как их называют) культур, тем не менее обеспечивающих собственное воспроизводство порой столетиями и тысячелетиями, в том числе превышая по продолжительности существование «развитые» культуры, доказывает лишь то, что их пони-

⁵ Здесь говорится не обо всем содержании и не всякой форме, а именно о *сущностном* содержании и *сущностной* явленной форме.

⁶ Это наиболее характерно проявляется в культурных трансформациях буддизма (см. особенно: Лысенко В. Г., Терентьев А. А., Шохин В. К. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М., 1994).

мание процессуальности самодостаточно для данной культуры. Как, например, примитивные классы биологических существ в ходе эволюции оказываются зачастую существенно более жизнеспособными, чем более высоко организованные, сохраняясь в ходе самых катастрофических катаклизмов и продолжая собственную эволюцию десятки и сотни миллионов лет.

Дополнение 3. Данные концепции реализованы и могут быть реализованы как относительно материального бытия, так и относительно бытия идеального (объективного и субъективного). В одних версиях мировоззренческих конструкций и материальное, и идеальное наполнение мыслятся как обладающие однотипным характером процессуальности. В других версиях они могут быть различными, вплоть до противоположных (например, идеальное вечно и совершенно, а материальное – вечно подвижно и несовершенно (суетно, бренно, течет и изменяется)).

Примечание 1. Все концепции оснований осмысления процессуальности, путей и методов ее познания осуществляются в рамках конкретных мировоззренческих традиций.

Отличительные черты различных мировоззренческих традиций во множестве исторически оформленных концепций и текстов известны из истории философии и истории человеческой мысли в целом. Принципиальные параметры – первичность материального либо идеального (объективного либо субъективного), характер детерминации процессуальности, характер и степень познаваемости мира и способы познания.

Материалистическая традиция: объективность процессуальности, культурно-историческая субъективность ее познания и возможность влияния на ее осуществление. Мир целиком посюсторонен, един в себе, органически связан и не имеет «тайных этажей», которые были бы принципиально недоступными для данной реальности и неимманентны ей. В мире есть место идеально-информационной реальности, которая рассматривается не как самостоятельно сущая реальность (отдельный мир), а как органическая сторона единой в себе реальности. Самодетерминация (внутриприродность) процессуальности. (Потенциальная) возможность познаваемости и мыслимости процессуальности посредством человеческого разума. При этом характер процессуальности может быть различным. Допускается возможность множественности миров.

Объективно-идеалистическая традиция: онтологическая разделенность реальности на два мира – реальный и идеальный. Идеальный мир первичен и (в разной степени в разных концепциях) определяет мир материальный как сущую и явленную реальность, являясь его действительной сущностью. Все процессы реальности преддетерминированы идеальным, его внутренним самодвижением и являются его реализацией. Поэтому истинное познание – это познание идеального, его законов (и т. д.), являющихся истинной причиной всякой динамики и процессуальности сущего. Познание реальности (сущего бытия, мира) к истинному познанию никакого отношения не имеет (или имеет весьма слабое отношение), поскольку сущая реальность есть мир вторичный, мир явлений истинной идеальной сущности.

Дуалистическая традиция: попытка найти компромисс между материализмом и объективным идеализмом через признание двойственности бытия, в особенности в плане детерминации, причинных оснований сущего и его процессуальности.

Субъективно-идеалистическая традиция: мир понимается как отображение личностной субъективной реальности. Его процессуальность лишь видимое проявление динамики субъективного (личностного) духа. В более мягких версиях – скептицизм – признание на веру существования объективной реальности, но при этом невозможность ни доказательства ее существования, ни возможности ее познания. Главные решения относительно познания мира и его процессуальности, адекватного поведения в нем, реагирования на его трансформации, новые проявления, вызовы, сокрыты в «угадывании» верных действий, которые (угадывания) даются лишь отдельным людям, наделенным определенными качествами (которые могут варьироваться в разных версиях в зависимости от области применения данной традиции). Эти угады-

вания в очень слабой степени подвержены рациональным систематическим решениям и чаще всего представляют собой некоторые формы озарения (инсайта). Процессуальность в субъективном идеализме есть очередное явление сознанию бытия и логика его – в субъекте. Развитие во время появления субъективного идеализма еще не было открыто и потому оно не было известно основателям субъективного идеализма, не получило интерпретации. Последующая история показала, что развитие для субъективного идеализма неорганично.

Специфическим ответвлением субъективного идеализма является скептицизм, который вновь активирован в работах Н. Н. Талеба⁷. Он базируется на древнегреческой философии скептицизма⁸. Онтология скептицизма устремлена на границу бытия и небытия, тем самым на возникновение и исчезновение бытия, на его процессуальность. Во многом (если не вообще) именно процессуальность оказывается онтологическим основанием скептицизма, хотя у разных авторов – возможности познания разных типов процессуальных объектов, собственно, и вызывали скепсис. Гносеология же скептицизма скепична именно по отношению к возможностям рационального познания и потому тяготеет к субъективным познавательным актам типа озарения, к субъективному идеализму, а позднее – также к позитивизму.

Позитивистская традиция: позиционирует себя как внеметафизическая концепция. Внешне базируется на научном познании и знании и рассматривает познание и философию как собственно совокупность научного знания, основанного на фактах. Однако внутренне эта концепция скепична относительно умозрительных построений и возможностей рационального познания, в особенности в условиях познания сложных развивающихся объектов. Процессуальность (по природе позитивизма) понимается позитивизмом феноменально, потому синергетические и творческие элементы процессов, качественные переходы не могут быть объяснены рационально. В некоторых своих ответвлениях (особенно критический рационализм К. Поппера) позитивизм явно становится на позиции скептицизма, особенно в отношении познания исторического развития, агрессивно выступает против умозрительных построений историцизма, в особенности против гегелевско-марксовской диалектики.

Ближневосточные, европейские и российская религиозные традиции: вера в онтологическую разделенность бытия на два мира – посюсторонний и потусторонний. Потусторонний, как правило – первый и первичный, основной, посюсторонний – временный, вторичный, некоторое «окно» в вечность истинного мира либо разрыв в вечном бытии. Истинное знание – лишь знание о вечном истинном мире, которое несется (транслируется) с помощью мистических откровений отдельным людям либо полулюдям-полубогам и простыми людьми получается в процессе изучения этих откровений, в том числе познание процессов и будущего. Процессуальность предетерминирована потусторонними силами, фатальна, воздействие на нее невозможно, потому же и познание ее во многом бессмысленно. Процессуальность предельна (возникла и закончится). Лишь в православной вере не согласились с концом бытия. В мусульманстве же вследствие прагматизма народов и культур произошло возвращение в стационарность, отрицание процессуальности, превратившей религиозную традицию в механизм консервации времени.

Но одна только вера просвещенным народам – и иудеям, и христианам – уже давно не дает тех оснований, той метафизики, которая позволила бы обрести спокойствие, счастье, самодостаточность. В отличие от более примитивных (в смысле просвещения) культур – такие как

⁷ Талеб Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2009; Талеб Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. Важно отметить, что перевод названия первой книги («Под знаком непредсказуемости») неудачен, поскольку не отражает заложенного в работе смысла. Ее название «The Impact of the Highly Improbable» точнее перевести так: «Удар в высшей степени необыкновенного (невероятного, немислимого, неопределенного)» либо «"схватка" с сильнейшей неопределенностью».

⁸ Особенно учение Секста Эмпирика: Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1976. Анализ учения скептицизма см. особенно в Предисловии А. Ф. Лосева к данному изданию: Лосев А. Ф. Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика// Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Т.1. М.: Мысль, 1976. – С. 5–58.

арабские культуры в виде мусульманства, критская и некоторые иные замкнутые ветви христианской культуры – в виде христианства. В том числе в личной и надличной метафизике процессуальности. Процессуальность личной жизни как устремленности к более светлой загробной жизни не вдохновляет уже более 80 % населения, так же как возможное Новое пришествие или Апокалипсис не пугают, тем самым не становятся базой для создания регулирующих поведенческих оснований. Создается феномен метафизической неукоренности мятущегося просвещенного человеческого разума, который провоцируется к хаосу еще и некоторыми философскими системами, педалирующими хаотичность бытия, его неосновность и неукоренность и ставшими модными в европейском мире как новое веяние «постмодернизма». Это создает массу негативных социальных последствий – от демонстративного ухода молодежи в нетрадиционные формы межполовых отношений (сексуальный хаос в отношении полов и отношениях внутри полов), обусловленный кризисом семейных отношений, разрушение глубинных основ просвещенного знания, нарастающий хаос межэтнических и межкультурных отношений и т. д.).

Мифическая (мифологическая) традиция: основанное на преданиях либо искусственно сформированных концепциях сказание о реальности, сочетающее в себе элементы знания и вымысла (сознательно формируемого за неимением достоверной информации о сущем либо намеренно искажающем его). В аспекте *знания*, как правило, не несет в себе самостоятельного мировоззренческого основания, выходящего за пределы философии и науки, религии и мистики, хотя в случае древних мифов порой несет в себе элементы реального исторического знания о традициях древности, искаженного и сложно отличимого от последующего вымысла, а также некоторого гипотетического знания о будущем, имеющего не установленные наукой источники, но часто умело используемые в различных идеологических спекуляциях (например, предсказания «смены времен», интерпретируемые как апокалипсис и «конец света» через апеллирование к преданиям, например, индейцев Северной Америки – майя, инков и т. д.). В аспекте вымысла – сродни художественно-фантастическому восприятию. На мифологических основаниях во многом базируются древние языческие верования. Процессуальность здесь, как правило, отсутствует, а если присутствует, то в эклектических формах. Бытие, как правило, полагается стационарной данностью, завершающейся катастрофой либо чередующейся с ней с определенным периодом во времени. Возможны самые разные фантазийные варианты.

Мистические традиции: основаны на вере в онтологическую разделенность бытия на два мира (посюсторонний и потусторонний), в существование и возможность познания трансцендентной реальности, находящейся за пределами нашего бытия, возможности взаимодействия с нею посредством различного рода действий человека и набора разных процедур и средств – эзотерических, нумерологических (знаки, цифры, фигуры), астрологических (звездные конфигурации) и т. д. Фактически, это вера в то, что внутренняя конфигурация мироздания несет в себе некие непознанные и обычным человеком не познаваемые закономерности, которые являются определяющими все бытие мироздания, судьбы всего сущего, включая человечество в целом и судьбу каждого отдельного индивида. Источник (основание) всякого движения (включая развитие) здесь сокрыт за пределами реальности, его познание не может быть мыслимо обычным человеком, дается лишь в откровениях избранным. Механизмы этого движения – в разных версиях – а) подвластны отдельным людям при наличии некоторых качеств и умений, б) в определенной степени подвластны любому человеку посредством определенных практик, в) абсолютно не подвластны человеку, его воздействию, человек – заложник внеположенной ему детерминации и определяемой ею последовательности событий, включая его личное бытие. Собственно процессуальность носит различный, чаще всего хаотически-спорадический характер «выплесков» в реальное бытие потустороннего бытия либо вообще игнорируется. Познание и предвидение будущего, как полагается, осуществляется на основе ясновидения, осуществляемого людьми, имеющими особые способности, причем, различными способами –

видениями, откровениями, общениями с душами умерших и т. д. Этот индивидуальный опыт неповторим и лишь проверяется практикой. Известным приемом является нагнетание в обществе психоза, страха, паники с использованием интерпретаций различных провидцев. Определенные мистические и религиозные концепции пересекаются, компоненты мистики присущи многим религиям.

Дальневосточные и юго-восточные религиозно-философские традиции и системы: многообразны, даже более многообразны, чем ближневосточные и европейские. Их метафизика носит сложный характер и требует внимательного исследования в отношении потенциала процессуальности.

Принципиальными являются индусское понимание процесса как колеса Сансары (вечный круговорот) и китайское понимание вечности истинного бытия Дао с его (вечной же) самореализацией в бытии сущего в его внутренней противоречивости посредством множества различных процессов (даосская философия). Индийская процессуальность круговорота предполагает череду перерождений каждого объекта (его сущности). Характер перерождений зависит от образа жизни и состояния духа. Выйти из круговорота невозможно (кроме пути, предложенного Буддой) и через 40 тысяч лет вся совокупность процессов повторится вновь.

Даосская процессуальность – бесконечная череда реальных процессов, каждый из которых есть порождение, отражение, реализация вечного и стремление к нему как идеалу, бесконечное множество попыток его реализации, процесс бесконечного рождения, но при этом без агрегации процесса (и множества реальных процессов) в некое единое процессуальное нечто. Важная деталь: если в европейской логике мысли движение – это жизнь, а покой – смерть, то в китайской логике, напротив, Ян (движение) как твердое, соотносится со смертью, а Инь (покой) как мягкое, соотносится с жизнью⁹.

Эклектические формы мировоззрений – сочетают в себе различные, порой несовместимые и противоположные мировоззренческие и метафизические основания. Зачастую выдаются за современные, сверхновые, становятся модными, порой захватывая собой даже некоторых научных работников. Эти формы мировоззрений также получили широкое распространение в XX – начале XXI веках, в особенности в различных субкультурах и сектах.

Художественно-фантастическое: используются и обыгрываются самые разные мировоззренческие концепции. В ходе формирования художественных образов зачастую возникают вполне оригинальные концепции мироздания, которые, тем не менее, при внимательном анализе оказываются вариантами той или иной мировоззренческой традиции.

Научное познание: по-разному соотносится с разными метафизиками процессов – как с культурными явлениями, так и в личностном духовном мире, имеет различный потенциал в исследовании процессуальности в зависимости от уровня развития, культурного качества субъекта исследования, сферы научного познания (Глава 3).

Таким образом, мировая мысль в интерпретации процессуальности и развития *полипарадигмальна* и *полимодельна*.

Каждая отдельная концепция в процессе углубления исследований может быть представлена в виде собственной трехмерной матрицы на основе объективного, субъективного и субъективно-культурного векторов.

Примечание 2. Концепции процессуальности в различных мировоззренческих системах могут быть а) подобными по явленной форме и сущностному содержанию, б) сходными по форме, различаясь в сущности, в) сходными в сущности, различаясь по форме, г) различными и по форме, и по сущностному содержанию, д) отсутствовать вообще. То есть, каждая конкретная система процессуальности может нести в себе элементы общего, в то же время в той

⁹ Девятов А. П. Иная логика// ChinaPro. № 5. 01.08.2005//<http://www.chinapro.ru/articles/49/>

или иной степени включая в себя элементы индивидуального, порой уникального и неповторимого, а может быть уникальной в целом.

Примечание 3. Осмысленная метафизическая погруженность не характерна для каждого человека как представителя и носителя собственной культуры. Однако, следуя феноменальным проявлениям метафизики в культуре, человек, как правило, следует той или иной метафизике (в том числе в интерпретации процессуальности), осознанно либо (часто) неосознанно разделяя те или иные ее варианты посредством приобщения к традиции. Человек всякой культуры, вне зависимости от того, осознает он это или нет, причастен, пронизан глубинными метафизическими смыслами собственной культуры, произрастающими на основе *потрясения трансцендентным* и выкристаллизовавшимся в культуре отношением к нему. Смыслы определяются культурными вариантами метафизических решений, а самоопределение человека в путях решения всех (социальных и личных) проблем испытывает воздействие доминирующих в культуре этих метафизических решений и смыслов как надличностных, типических, соответствующих данному культурному типу, национальному менталитету и «характеру» народа. Эти смыслы являются той доминантой, которая, кроме всего прочего, посредством личностных реализаций (особенно духовных лидеров, носителей «харизмы» (М. Вебер), пассионариев (Л. Гумилев)) определяет историческую деятельность, потому историческую судьбу народа. На этих смыслах основывается понимание человеком смысла личной жизни, решение им экзистенциальных и мировоззренческих проблем, проблемы смерти и бессмертия, отбор и характер приоритетов социальных принципов свободы, справедливости, коллективизма или индивидуализма и так далее.

Причем, личностные смыслы представляют собой целостность, включающую в себя набор различных (но не антагонистических) смыслов, некую структурную иерархию, систему «больших и малых смыслов» и в жизни человека «существуют различные типы структурных иерархий, характеризующих различные соотношения смысловых компонентов и во многом определяющих особенности функционирования механизма смысла жизни»¹⁰. При этом, проблема смысла жизни отнюдь не предполагает осознанную его формулировку каждой личностью. Жизнь большинства людей протекает без отчетливой осмысленной постановки и решения проблемы смысла жизни. Но это не обязательно позитивистская «просто жизнь» без смыслов. Человек, порой не вполне отчетливо формулируя и даже понимая смысл жизни, достаточно отчетливо отличает то, что соответствует или не соответствует культурно-определенным смыслам, то есть мыслит и действует, осуществляет свой выбор в соответствии с определенной *парадигмой смыслов*, «кристаллической решеткой» смыслов культуры, которые осуществляют себя в социальном бытии как «культурные универсалии». Смыслы и способы их реализации могут становиться и часто становятся неосознаваемыми, но при этом продолжают оставаться отчетливо идентифицируемыми «опознавательными знаками», на которые реагирует и по которым ориентируется человек.

§ 4. Основанием (стержневым метафизическим компонентом) отражения и осмысления процессуальности бытия является категория *времени* в его диалектике *временности* (конечности, ограниченности во времени) и *вечности* (бесконечности во времени). Проблема времени представляется важной при осмыслении развития во множестве аспектов (об этом речь пойдет специально в § 27).

Гносеология (теория познания) всегда есть часть конкретной философской традиции и философской системы. Это такой же социально-культурный и исторический феномен, как

¹⁰ См.: Чудновский В. Э. Проблема структуры смысла жизни как психологического феномена // Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни. Материалы III–V симпозиумов /Редкол.: Чудновский В. Э. и др. М., 2001. С. 162.

и любая философия, любое иное мировоззрение. Как следствие, не существует абстрактно общей гносеологии. Каждая мировоззренческая, в том числе философская, традиция и концепция предлагает свои версии решения основной диалектической антиномии – временности и вечности, проблемы направленности времени, необратимости времени, определения характера связи прошлого, настоящего и будущего. Причем, базовыми для формирования мировоззрений являются разные *смысловые* характеристики времени в различных цивилизациях.

Характер взаимосвязи, взаимодействия, взаимовлияния метафизики времени и смыслов культур, а также содержание великих смыслов культур – тема специальных исследований. В данной работе достаточно констатации наличия *заглубленных культурных особенностей* представления времени, различий *метафизики времени в смысловых контекстах культур*.

Примечание 1. Казалось бы, можно говорить о линейности и направленности времени, соответствии такого представления о нем законам физики и современному опыту: ведь все люди живут в одном космическом времени, унифицируемом с помощью часов и календарей. Однако это так – и не так. Несмотря на единые «часы» и сходные «календари», используемые разными культурами, *понимание (интерпретация)* времени как формы осуществления процессуальности в больших масштабах, метафизическая вера в принципы организации времени в мироздании, понимание *конструкции времени* отличается по крайней мере в крупнейших мировоззренческих системах:

- стрела времени и линейность процесса становлений и преобразований, в том числе общества (иудаизм, христианство, ислам, европейские и российские мировоззренческие, в том числе философские, системы): вечное реализуется в виде последовательной, линейной, связанной цепочки временных объектов; в материалистических версиях вечность есть бесконечность временного бытия, в идеалистических и религиозных версиях – вечное является также сущим в себе, которое к тому же связано с временным в каждый момент его истории; время направлено только вперед; время необратимо и невозпроизводимо как тождественное себе – каждое новое нетождественно бывшему ранее; прошлое предшествует настоящему и будущему, фактуальное сосуществование прошлого, настоящего и будущего невозможно; прошлое определяет настоящее, настоящее определяет будущее;

- время – формальный статист происходящего в реальности как реализации вечного (даосизм, дзэн-буддизм, уходящий корнями в даосизм и буддизм, другие дальневосточные и юго-восточно-азиатские мировоззрения): вечность (вневременность) исходных (идеальных) первооснов бытия и постоянное (вечное) производство всякий раз конкретного временного сущего как способ реализации вечности; собственно время не имеет направления, имеет лишь периодичность; вечное воспроизводит себя в каждом временном в той или иной форме; связь прошлого, настоящего и будущего условна, как и обратимость времени, которое может «возвращаться» бесконечно посредством воспроизводства тождественного в себе; прошлое может сосуществовать с настоящим и будущим, каждое из них может определять каждое иное (прошлое – определять настоящее, а настоящее – прошлое и т. д.);

- «колесо времени» с повторяемостью всего цикла бытия примерно через 40 тысяч лет (индуизм, другие ведущие индийские системы, связанные с ними исторические и современные системы мировоззрения): вечность повторения временного посредством циклов, вечность круговорота, вечность перерождений; направление времени линейное в пределах цикла, но цикличное в отношении вечности; прошлое сосуществует с настоящим и будущим за счет перерождений сущего; прошлое может определять и определяет настоящее и будущее, настоящее – прошлое и будущее, будущее – прошлое и настоящее.

Это три основных культурных интерпретаций в понимании больших масштабов времени, соотношения временного и вечного, позиционирования человека во времени. В их рамках есть специфика, которая в рамках культуры времени такова:

Европейская традиция – такая культура стрелы времени, которая верит в абсолют конца земного бытия.

Русская традиция – такая культура стрелы времени, которая предложила собственную интерпретацию диалектики временного и вечного, не согласившись с конечностью земного бытия и усилив компоненту вечности.

Мусульманская традиция «заморозила» стрелу времени и даже повернула людей лицом назад, в прошлое, сделав смыслом и целью культур саму мусульманскую традицию, тем самым выходя в вечность из конечности стрелы времени.

Остальные метафизики не несут в себе целостного смыслонаполненного понимания времени, понимание времени в них фрагментарно либо заимствовано либо эклектично.

Внеметафизические концепции (в первую очередь позитивизм) лишены смыслонаполненного понимания времени. Время в них – лишь форма последовательности состояний.

Примечание 2. Несмотря на то, что феноменальные аспекты прошлого и настоящего бытия во многом известны и постоянно осмысляются философией и наукой в реальной динамике, смыслополагающие основания культур осмысляются весьма слабо. Это относится, в том числе, к европейским и русской культурам. Но еще слабее исследованы смыслополагающие основания других культур. Весь спектр этих проблем – предмет будущих специальных широкомасштабных компаративистских исследований.

Примечание 3. Характер взаимосвязи, взаимодействия, взаимовлияния метафизики времени и смыслов культур, само содержание предельных смыслов должны исследоваться применительно к каждой культуре – это специальная задача.

Однако собственно процедурный аспект взаимосвязи, взаимодействия, взаимного влияния параметров времени на предельные смыслы предполагает возможность типизации элементов, являющихся носителями взаимодействий, и элементов содержания предельных смыслов. В этой связи исследование смыслов времени в одной культуре может указать путь (алгоритм) исследования и понятийный набор для исследований в рамках других культур.

§ 5. *Содержание* идеи времени и процессуальности представляет собой для человека важнейшую и несомненную *ценность*¹¹, значение которой раскрывается при обращении к наиболее глубоким (метафизическим) аспектам поиска человеком смыслов осуществления природного, социально-культурного и личного бытия, к фундаментальным основаниям культурно-исторической деятельности. Эта ценность определяется в первую очередь тем, что метафизика времени формирует платформу предельных культурно-цивилизационных смыслов (смыслов бытия, смыслов жизни, исторических смыслов культуры), основу метафизических «кристаллических решеток» культуры (основанием которых являются традиции). Ценностные, смысловые и целевые компоненты всякой культуры определяются метафизическим смыслополаганием времени. Именно они оказывают определяющее влияние на осмысление процессуальности бытия, в том числе на отношение к идее развития, взаимосвязанного с ним творчества и инновационной деятельности, обуславливают наличие либо отсутствие соответствующих творческих научных традиций в различных цивилизациях. Они задают высшие цели культуры и личности. Они определяют формирование смысложизненных целей и высших ценностей, базовых моральных императивов культуры.

Примечание 1. *Предельный смысл* – понятие, объединяющее в себе все различные варианты прочтения «назначений» конкретных сущих или мыслимых объектов (в контексте различных культурных комбинаций решений метафизических проблем) в бытии – в пространстве и времени в их конечности и бесконечности. Предельный смысл возникает в ситуации встречи (взаимодействия) вечности и временного в рамках конкретной метафизики. Содержание пре-

¹¹ См. § 8.

дельных смыслов включает в себя осмысленное (либо ощущаемое) назначение, целевую функцию, «для-чего-бытие» всякого конкретного сущего (и человека) «перед лицом» предельных метафизических сущностей – вечности, бесконечности, Бога.

Основанием формирования предельных смыслов является «потрясение трансцендентным», в особенности его важнейшим атрибутом – *вечностью*. Духовная и мысленная интерпретация этого «потрясения вечностью», оформляясь в предельные смыслы, становится первоосновным организующим и направляющим началом метафизики и мировоззрения (в том числе философского), основанием деятельности человека конкретной культуры и исторической активности культуры в целом.

Процесс генезиса и алгоритм рождения высших смыслов и базовых ценностей – предмет самостоятельного исследования.

Пример: Можно дискутировать о различных способах внутренней аргументации человека по поводу веры или не веры в Бога – характер психики, мнение авторитетов, культурная среда, обычай и т. д. Однако бесспорно то, что отрицание или оправдание Бога как состоявшееся метафизическое решение формирует особый предельный смысл: если человек верит в Бога, то его назначение (понятое как *предназначение*), заключается в служении Богу и вечности, это служение и есть предельный смысл, определяющий все остальные экзистенциальные смыслы; если человек не верит в Бога, его предельный смысл основывается на иной «вере», и жизненные смыслы, соответственно, будут иными.

Примечание 2. Характер трансцендентности (вечности) в той или иной культуре определяет характер и варианты предельных смыслов и доминирующих ценностей. Разные типы смыслов большого времени порождают различные предельные смыслы и высшие ценности. Предельно абрисные контуры различных (некоторых) решений таковы.

Китай – культура вечности законов бытия (дао), «стационарной вечности» и релятивной реальности, устремленной к вечному как идеалу, высшей ценности, постановщику, оценщику и координатору земных целей. В понимании этого человека мир, пребывая в вечности, лишь поворачивается различными сторонами, рождает из себя бесконечное многообразие себя, оставаясь самим собой в бесконечной многогранности и многообразности. Человек, вся реальность (временное бытия, реальные объекты и процессы) в своем существовании в каждой из бесчисленного многообразия форм устремлены к максимально точному соответствию дао как идеалу. Взаимодействие с дао возможно через его понимание и посредством точечных действий, через некоторые (жесткие) алгоритмы поведения, действия, управления, через соблюдение и сохранение традиции.

Индия – культура вечного возвращения в рамках больших круговоротов, интегрируемость большими круговоротами космической и земной (многообразной) процессуальности. Интегральный характер больших круговоротов создает возможность (и надежду) на корректировку места в следующих витках «колеса Сансары» в зависимости от характера жизненного процесса – отсюда предельный витализм и гуманизм индийских философских систем и культуры в целом, фаталистический оптимизм. В буддизме – указывается путь выхода за пределы «колеса Сансары» посредством индивидуальной практики, адаптирующейся к различным мировоззрениям, в особенности – к даосскому.

Уже на данном «пилотном уровне» понятно, например, что поскольку южноазиатские и дальневосточные философские системы (Индии, Китая, Японии, Кореи, буддизм как мировая религиозно-философская доктрина) не несут в себе идеи линейного времени, *самой возможности* идеи поступательного развития, то это принципиально меняет ценностно-смысловые и целевые основы культуры, воспитания личности, систем образования, в том числе отношение к творчеству (созиданию принципиально нового, то есть того, чего не было ранее), к науке и инновациям.

Европа – культура стрелы времени, ведущей к реализации предзаданного Абсолютом, вследствие чего такое бытие становится осязаемым временным. Земные смыслы видятся как путь вхождения в вечность и характер этой вечности находится в зависимости от земного пути. Причем, в западной традиции антиномия Канта в отношении временности и вечности разрешена в концепции Гегеля (конечное как реализация вечного, как достижимость идеала). Это в наибольшей степени соответствует смыслополаганию в западноевропейской культуре, ибо Европа опирается на признание принципа внутренней самодостаточности сущего (мира, человека, культуры и так далее). Потому даже абсолютный дух становится исчерпаемым и может целиком обрести себя посредством двойного отрицания, полностью реализуется (главное, может реализоваться – вот основа веры), так осуществляя свою самодостаточность (гегелевское «все разумное действительно, все действительно разумно»). Специфическое понимание времени лежит в основании европейской культуры и ее эволюции, ее прошлого, настоящего и будущего. Отсюда вытекает все в исторической культуре и социальной практике европейского мира, в том числе индивидуализм как принцип, основанный на признании самодостаточности личности, культурный и индивидуалистический цинизм, закономерно появившиеся течения протестантизма, позитивизма, прагматизма. Причем, протестантизм – это своеобразный реванш животного человека над человеком духа, над социальным человеком, над человеком коллективного разума и морали, способствовавшее превращению человека в существо, которое утрачивает многие черты человека.

Религиозные верования весьма многообразны, но они несут в себе особенности и основания собственных культур (субкультур) на уровне метафизики.

Мистические (спиритуалистические, эзотерические, оккультные, магические, астрологические, «гадалочно-предсказательные» и т. д.) учения, практики и их носители (конкретные люди) несут в себе в среднем весьма хаотические метафизические концепции, основанные на сочетании самых различных философских и религиозных систем и рожденных в них мистических практик, порой причудливо сочетают в себе духовный (включая интеллектуальный и психологический) опыт и духовные практики Востока и Запада, самых разнообразных, часто противоположных и взаимоисключающих метафизических и мировоззренческих конструкций. Эти концепции имеют весьма хаотичные и расплывчатые представления о пространстве и времени, как правило, сводящиеся к действиям «светлых» либо «темных» сил с последующим возвещением о наступлении, соответственно, «конца мира» или «победы» («света» над «тьмой», либо наоборот). Время, по сути, здесь играет второстепенную роль статиста наступления указанного неминуемого события, которое никак эволюционирует. В конкретном объекте происходит лишь накопление чего-то «светлого» или «черного», как в некотором сосуде, который в некоторый момент просто переполняется, за что ждет либо «благодать», либо «кара».

В целом в метафизиках, в которых время неопределенно либо неорганично, не может быть великих смыслов, а земные смыслы, ценности, цели хаотичны и часто деструктивны.

Во внеметафизических концепциях (особенно в позитивизме, прагматизме) также не может быть великих смыслов, а витальные смыслы, ценности, цели потому также хаотичны и часто деструктивны, могут становиться оправданием цинизма, отрицания великих смыслов и высших ценностей. При этом, внеценностный и внесмысловый характер позитивизма делает его способным выступать как дополнительный интеллектуальный инструментальный иных метафизик – безразлично каких и для каких целей. Поэтому не странно ни распространение деградационных и сатанинских идеологий и концепций в западной культуре, ни их интеллектуальная мощь, использование самых современных высоких интеллектуальных технологий и высококвалифицированных специалистов¹². Даже экологические идеи и движения они используют для антиразвития.

¹² См., например: Черемных К. Квазирелигия деградации. В 5 ч.// <http://www.globoscope.ru/content/articles/2891/>

Примечание 3. В русской культуре ее великие смыслы и высшие ценности (правда, справедливость, коллективизм, демократия и т. д.), ее давно понятая универсальность и всечеловечность также опираются на порожденную (увиденную) русским человеком метафизическую модель бытия и времени, на понимание процессуальности бытия.

Осмысление духа русской культуры, ее предельных смыслов, высших ценностей как основы российской цивилизации более двух столетий осуществлялось усилиями многих отечественных писателей, художников, музыкантов, философов: в произведениях А. Пушкина, Н. Гоголя, М. Лермонтова, Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Гончарова, Н. Лескова, И. Тургенева, А. Чехова, Ф. Тютчева, И. Шишкина, И. Айвазовского, А. Куинджи, П. Чайковского, М. Мусоргского, Г. Свиридова, А. Блока, С. Есенина, А. Платонова, М. Горького, М. Шолохова, В. Шукшина, Н. Рубцова, в работах славянофилов, западников, евразийцев – П. Чаадаева, Аксаковых, И. Киреевского, Н. Данилевского, К. Леонтьева, С. Франка, Н. Лосского, Н. Бердяева, М. Бахтина, А. Зиновьева, Э. Ильенкова, В. Кожина, А. Панарина, С. Кара-Мурзы и многих других¹³.

Метафизические основания русской культуры можно представить следующим образом.

Человека русской культуры, осваивавшего просторы Евразии, как это продемонстрировано в текстах приведенных и не приведенных выше авторов, *очаровывает вечное творчество бытия, вечность как творчество*. Вечность как бесконечность, безграничность, бесконечность в постоянном творческом динамизме¹⁴. Это составляет сущность метафизики данного типа культуры и цивилизации. Именно ею пронизано мировоззрение, душа русского человека, его социально-культурная историческая деятельность, вся отечественная культура, как следствие, история, философия, наука. Это является квинтэссенцией очарования *бесконечностью* как несогласием с конечностью бытия в пространственном, временном и морфологическом измерениях, гармонично дополняясь очарованием пространственной безграничностью бытия (в том числе его земных просторов) и бесчисленностью и гармонией множества бытийных форм. Естественно, это не китайское *дао*, не индийский *путь*, не греческие *бытие, эйдос, логос*, даже не европейская *эсхатология*.

Русский человек издревле «верит» в причастность бытия и человека вечности как творчеству, в *вечность и бесконечные возможности творчества мира*. В вечность как постоянное обновление, в «вечное новое». Этим пронизано, здесь начинается поиск своей смысловой (метафизической) идентичности. Этим объясняются все стороны души такого человека, его «странности», его величие и его «слабости». Без великого творчества русский человек «слабеет душой». Потому в эпохи разрыва «бытия чуда», осуществления высшего творчества, в обыденной жизни русский человек хиреет, его охватывает скука, «русская хандра» (А. Пушкин), он становится Обломовым. Ближе всего к пониманию этой – творческой – сущности русского мировоззрения подошел Н. Бердяев в своей философии свободы и творчества. Правда, религиозный характер его концепции вносит специфику в его восприятие современными отечественными философами. Однако возможно и необходимо внерелигиозное философское понимание глубинной сущности этой метафизики, метафизики творчества.

В духовном мире русского человека онтологическое многообразие – также есть атрибут вечности и бесконечности (которые потому не аморфны). Существуют вечность и пронизанные ею, открытые в нее различные нечто, качественно определенные миры. В каждом мире своя сущность, каждый мир и его частица рождается со своей потенциальной гармонией, предназначением, а одухотворенный мир – также со своим смыслом, своей метафизикой. Такое понимание существенно шире китайского *дао* в его единственной сущности.

¹³ См. обобщающий философско-антропологический анализ русской традиции в нашей совместной работе: Андреев А. П., Селиванов А. И. Русская традиция. М., 2004.

¹⁴ Именно маняще-магнетически *очаровывает*, а не в чем-то пугающе *потрясает*.

Наиболее точно соответствует представлению о мире его образ как постоянно бурлящего котла, пронизанного одновременно бытием и ничто¹⁵. В этом «котле» постоянно-бесконечно рождаются и погибают качественно определенные сущности, которые в краткие мгновения своего бытия прекрасны. Без их самотождества бытие не существует, поэтому такое самотождество в своей качественной определенности – необходимый результат осуществления вечного творчества, его проявления. Необходимо стать собой, реализовать себя последовательно – это закон и обязанность перед лицом вечности. Этим определяется углубленная любовь к жизни и ко всякой форме жизни, безграничная толерантность ко всякому существу, стремление к справедливости¹⁶ и внутреннее отвержение посягательства на жизнь сущего как величайший грех, пафос жизни – и одновременно возможность опьянения пафосом сокрушения «неистинных» (ставших «неистинными») форм жизни, право «судить сущее».

Основной онтологический ответ русской культуры – признание бесконечномерной природы мира и сосуществование множества качественно определенных миров. Мир в целом (мир вообще) не имеет универсальной первоосновной субстанции. Атрибуты мира – вечность, бесконечность, постоянное возникновение и самотворчество. В этом мире самоценно всякое сущее и могущее быть (возможное) бытие, ибо каждое нечто есть не только проявление вечности, но и способ ее реализации. Потому каждая частица этого мира прекрасна и мир прекрасен. Отсюда очарование каждым нечто этого мира, любовь к нему, переживание за его одиночество, покинутость, потерянности в бесконечном мире и глубочайшее сострадание ему. Причем, есть вера в то, что в мире сосуществуют природные и сверхъестественные первоначала, более того, мир разделен на естественный и два сверхъестественных – упорядоченный (божественный) и неупорядоченный (мистический и даже сатанинский). Поэтому человек находит спасение в совмещении трех метафизических решений – мистически-мифологическом суеверии, религиозной вере и атеизме, действительно проявляясь сегодня как «суеверный православный атеист»¹⁷. Отсюда вытекает относительная раскрепощенность мысли, легкость инверсии материализма и идеализма (поскольку в различных мирах-формах могут иметь место первичность как материального, так и духовного).

В сознании человека русской культуры принимается за данность принципиальная незавершенность (потому и несовершенство), временность всякого конкретного сущего, которое ищет обретения себя как целого через иное (со-бытие). Именно поэтому время бытия обречено быть открытым в вечность (*фундируется вечностью*)¹⁸. Всякое сущее, всякая земная форма сущего оказывается неполной и несовершенной, становится таковой лишь через сверхсущее, через предельные смыслы и «великие дали» (А. Неклесса), через моральный идеал (как взгляд из вечности, почему и была так близко принята кантовская мораль русскими мыслителями, особенно Л. Толстым), через человеческое. Поэтому неполнота временности ищет себя в вечности, неполнота и несовершенство сущего – в идеале. Так наполняется и делается самодостаточным бытие, оно обретает себя в вечности и посредством вечности.

Неполна, несамодостаточна даже сама вечность (в отличие, например, от китайского дао или гегелевского абсолютного духа). Она есть вечное творчество или творящая (творящаяся и творимая) вечность, она динамична и допускает совершенствование. Вечность не далекая звезда (идеал, абсолют), а постоянно удаляющаяся линия горизонта – «убегающая» вечность, совершенствующийся идеал, горизонт времени. Россия – это традиция такого осознания «конца бытия», которое, увидев конец, не согласилось с ним. Поэтому время полагается как

¹⁵ Подробнее см.: Селиванов А. И. К вопросу о понятии «ничто» // Вопросы философии. 2002. № 7.

¹⁶ Об исторических корнях справедливости, уходящих в доправославную эпоху русской культуры, см.: Платонов О. Духовная ось русского мира // Изборский клуб. № 6 (30). 2015. С. 87.

¹⁷ Фурсов А. Колокола истории. В 2 ч. Ч. 1. М., 1996. С. 126.

¹⁸ Выразившись во множестве прекрасных художественных образов, рожденных в русской культуре, будь то музыка или балет, поэзия Ф. Тютчева или проза И. Бунина («Муравский шлях»).

синтез вечности и со-бытия, вечность – синтез времени и со-бытия. Не временность бытия – и выведение отсюда смыслов, а постановка смыслов и преодоление временности бытия в реальности, выражаясь поэтически, «закливание времени» и даже попытка *исправления* времени и высшего порядка бытия¹⁹. Причем, вечность осуществляется посредством овремененного, реализуется посредством него. То есть *вечное фундируется временным*. Даже идея Бога использовалась как условие и возможность реинтерпретации Вечного, отказа от западного профанизма (например, богоискательские и богостроительские тенденции у М. Бакунина, Ф. Достоевского, Л. Толстого, Н. Бердяева, Д. Мережковского, А. Богданова, А. Луначарского). Вечность полагается даже сильнее Бога, который, думает русский человек, быть может, создал человека себе в помощь для управления вечностью. Поэтому человек имеет соизмеримые права и ответственность за мир с Богом и перед Богом, что воспроизводится и в художественной литературе конца XX века²⁰. Поэтому же и человек одновременно и песчинка, и конструктор мира, и даже конструктор Бога, равный ему и могущий (призванный) помогать ему в устройении мира. Он – часть природы и вечности, соразмерная ей по мощи, со-деятель, порой задорно соперничающий с нею и даже бросающий ей вызов (от гигантских проектов до «русского бунта» против формы, застоя, обыденности, до куража жизни, лихой молодости и «лихих ребят», до испытания судьбы «на предел», до конца, до русской рулетки и ставрогинского разрыва души страстями). Отсюда же вытекает *ответственность* человека за бытие, его творческое трудолюбие, самоотверженность в сражении и труде ради великого смысла и великой идеи. Это – философия созидания, вечного творчества, потому философия человека, находящегося в постоянном труде созидания, *человека трудящегося*.

Причастность вечности всего сущего, каждой природной формы и человека, уникальность и неповторимость всякого и всего бытия как продукта вечного творчества наполняет их в глазах человека величием, светоносной красотой, взывает к любви и добру. Всякое новое бытие потому прекрасно и высоко, что соответствует вечности, а не земным конечным целям. Отсюда и мессианство как стремление нести людям правду о вечности, о добре и красоте всякой частицы мира. Одновременно стремление понять многообразие мира, попытаться понять смысл всякого сущего – от упавшего листа или куста роз (как герои А. Платонова) до человеческих культур как частиц вечности. Поэтому же полагается, что постигнуть причастное вечности можно лишь чистой (доброй, любящей, очарованной красотой) душой, целостным духовным исканием, сочетающим интуицию, мысль и переживание в постижении истины, необходимость сочетания поиска истины со справедливостью и счастьем, приведшее к формулировке идеи правды и возвышением ее над (рациональной) истиной. Смыслы оказываются выше и раньше мысли, особенно мысли личной, индивидуальной. Но при этом бесконечное познание есть целостность духовного поиска со значительными возможностями рациональности как умопостигаемости, вера в познаваемость мира. Рациональность при этом осознается как постоянное творчество, критичность, принципиальная философичность. Отсюда и стремление человека к постоянному творчеству.

В творческой вечности есть место всему, возможно и соотносимо все – мыслимость и немислимость, реальность и фантазия, творчество человека, творчество природы, сверхъестественное (в том числе божеское) творчество. *Все возможно*. Абсолютна лишь относительность иерархий бытия в вечности. Потому что и для человека нет ничего невозможного – даже он сам может стремиться к вечности, которая достигается в особенности духовным трудом, связующим мир актуальный и исторический. Хотя и здесь «все возможно» – даже «возрождение из мертвых» всего человечества – поэтому об этом мечтал не только Н. Федоров, но в него поверили и на него надеялись и Л. Толстой, и Ф. Достоевский и многие другие. И это

¹⁹ О чем говорят мальчики по Достоевскому? Об ... «исправлении звездной карты мира»!

²⁰ См. особенно: Снегов С. Люди как Боги. М., 1997; Козлов Ю. Проситель // Москва. 1999. № 11–12; 2000. № 1.

не «наивная» вера «примитивного разума», как может показаться. Это естественный результат развития метафизической веры. Индийской вере в перерождение и вечность пребывания в колесе сансары и подвластностью законам бытия, китайской вере в вечность законов и подвластность им миров земного и небесного, европейской вере в человека-творца, человекобога с его безудержной и беспредельной активностью на земле как надежде на вознаграждение после жизни противостоит вера русского человека в причастность творческой вечности, в неограниченность творческого потенциала мира, в полагание человека стоящим над временем и вечностью, что обуславливает заглубленный беспредельный оптимизм в жизни, бесстрашие перед лицом смерти. Монотеистическая религия лишь придала одну из форм полагания вечности как веру в загробную жизнь, которой, однако, недостаточно. Русский человек настолько любит жизнь и очарован ею, что хочет жить вечно и верит в возможность этого даже вопреки здравому смыслу. Это рождает оптимизм, веру в победу добра, радостное переживание мироздания, что обуславливает «вечную молодость» и фениксизм России, веру в чудо России, ее богозащиту и неминуемое спасение. Потому есть вообще живая *вера в чудо* и *вера в бытие*.

§ 6. Идея и концепция развития как разновидность осмысления процессуальности бытия имеет строгую культурологическую привязку – она родилась на Ближнем Востоке и в последующем утвердилась в ряде культур Европы и России. Она является наследницей идеи процессуальности как последовательности происходящих событий в прошлом, настоящем и будущем, которая пришла в мировую культуру из мистических философских систем ближневосточных культур дохристианской эпохи, как идея *олама*, противопоставлявшегося древнегреческому *космосу*²¹. В отличие от древнегреческого космоса как «законосообразности и симметричности пространственных структур», олам – это поток временного свершения, ...мир как история», «мир как время и время как мир»; «олам» снимается «через направленное во времени повествование, соотнесенное с концом, с исходом, с результатом, подгоняемое вопросом: “а что дальше?”»²². Эта идея процессуальности завоевала свои культурные позиции посредством христианской эсхатологии, органически войдя в мир Библии. Именно как христианская эсхатология впервые в европейском мышлении предстала мысль о том, что мир не просто находится в движении, изменении, но поступателен и конечен – возникает, существует, поступательно развивается и исчезает. Собственно, идея развития явилась естественным продуктом синтеза в европейской философии идей мирового движения и эсхатологии.

Таким образом, идея развития органична европейским и русской культуре. Другие культуры не породили в себе метафизики развития, которая им не органична.

Примечание 1. Познание идеи развития, ее философское осмысление и формирование научной теории развития в рамках европейских и русской культур – длящийся во времени исторический процесс, на некоторой стадии которого сегодня находится человечество.

Попытки решения проблем, связанных с развитием, имеют свою историю (около 300 лет, особенно интенсивно – начиная с немецкой классической философии (особенно Г. Гегель, К. Маркс) и эволюционной концепции в биологии (Ч. Дарвин)), исследование которой является специальной задачей, решению которой были посвящены многие исследования в отечественной философии советского периода.

Важно отметить наиболее принципиальные результаты исследования истории философского и научного познания феномена развития.

Длительный процесс рационального осмысления базовых идей христианского мировоззрения, живших в теле европейской культуры, привел к вычленению из синкретического целого христианского вероучения этой идеи, которая, будучи рационально осмыслена и сфор-

²¹ См.: Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М., 1977. – С. 88–95.

²² Там же. С. 92–93, 277.

мулирована, первоначально предстала как *идея развития*. Философски и конкретно-научно (теоретически и эмпирически) развитие теперь осмыслено как саморазвитие, поскольку комплекс детерминации полагается имманентным данному процессу. Естественно, в различных философских традициях данный комплекс причин осмыслялся по разному и наиболее авторитетными в ряду других по праву стали объективно-идеалистическая (Г. Гегель) и диалектико-материалистическая (К. Маркс, Ф. Энгельс, отечественные философы советского периода) версии и этот вклад не забыт²³.

Важным компонентом осмысления развития стало понимание противоречивости бытия, в том числе на основе внутренней антиномичности, противоречивости всех культур развития, сильнее всего – европейской и особенно русской культур, склонности этих культур к беспредельности, абсолютизации, крайностям. Оно присутствует в европейской и русской культуре в виде антиномий чистого разума (начали осмысляться И. Кантом), в онтических основаниях самопричинения и самодвижения культуры и бытия (осмысленных, сначала вне развития, в работах Ф. В. Й. Шеллинга, И. Г. Фихте, затем, как развитие, в трудах Г. В. Ф. Гегеля), антиномий морали в соотношении праведности и греха, благородства и низости (особенно глубокие основания понимания заложены Ф. М. Достоевским), антиномий эстетики в виде противоречия красоты и безобразия (осмысленных особенно Г. Гегелем и Н. Г. Чернышевским и реализованных в различных направлениях искусства), антиномичности старого и нового, в социально-политической сфере – антиномичности свободы и долга, эгоистичности и справедливости, равенства и избранности, антиномичности экономики в виде частного и коллективного (общественного, национально-государственного), саморегулируемого (рынок) и управляемого, антиномии аполлонического и дионисического начал в организации социального бытия и его динамики, антиномичности управления в виде сиюминутного (оперативного) и удаленного (стратегического) и т. д. Внутренняя противоречивость, антиномичность этих культур способствовала их самоосуществлению и развитию в реальном бытии, и одновременно – познавательной восприимчивости, отражению идеи развития в сознании. Противоречивость, антиномичность бытия сначала была осмыслена относительно стационарных (неразвивающихся, но движущихся) систем, явилась в философском сознании как сущность самодвижения и развития. Затем она стала фундаментом мысленного освоения развивающегося мира европейской и русской цивилизациями.

В исследовании истории особенно важным является анализ *динамики обсуждавшихся проблем*, вокруг которых концентрировалась внимание исследователей в ходе познания развития, особенно на протяжении последних полутора столетий.

В конце XIX – начале XX века наиболее острой является проблема выяснения (и обоснования) того, какие процессы являются развитием, а какие – нет. Предпринималось множество попыток выделить максимально возможное количество процессов, которые подходили под смутно осознаваемые критерии развития. За основу сравнения брались группы признаков, отличающих феномен развития от других процессов изменения – и отличие этих процессов до сих пор остается проблемой.

Далее последовали попытки выделения этапов различных процессов развития, выстраивания рядов развития, поиска их исторической логики (как в русле гегельянства и марксизма, так и в полемике с ним либо в виде самостоятельных направлений мысли, преимущественно в социальной философии). Дискуссии в этой области также продолжаются. Здесь объектом пристального внимания становятся причины процесса развития, детерминация самого процесса. Было предложено несколько объяснительных, претендующих на теоретичность, концепций развития и на конкретно-научном, и на спекулятивно-философском уровне. Однако дол-

²³ Например, И. Пригожин указывал на идейно-концептуальные корни теории диссипативных структур в диалектическом учении К. Маркса (См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986).

гое время доминировавшими все же оставались подходы, в которых предлагались варианты *использования идеи развития* в целях конструирования философских и социальных систем. Лишь постепенно происходит поворот к исследованию *процесса развития как самостоятельного объекта исследования*, к сожалению, пока оставшийся лишь поворотом (Д. С. Милль, Дж. Льюис, А. Бергсон, С. Александер, Л. Морган, позднее И. Пригожин, Г. Хакен и другие).

Важно специально обратить внимание на то, что в философской и научной рациональности европейской и русской культуры существует достаточно большое количество концепций и моделей, лежащих в русле метафизики *стрелы времени*. Так, сформировалось различное отношение к диалектике и разные подходы в самой диалектике (различные типы диалектики); в рамках различных философских концепций предлагалось множество вариантов источников и движущих сил развития, которые можно разделить на два принципиальных подхода к решению этой проблемы – внутренние противоречия или некая движительная сила (Бог, идея, воля, низус, «творческий порыв», «стремление к точке Омега» и другие); в определении направленности развития некоторые концепции склоняются к единонаправленности (линейности) развития, другие – к многонаправленности (типа «дерева», «ризомы»). Эти небольшие иллюстрации должны показать многомерность самой проблематики развития и в рамках культур стрелы времени.

Можно констатировать, что, несмотря на острую полемику вокруг понимания развития, уже к концу XIX – началу XX столетий у большинства ученых не оставалось сомнений в том, что процессы развития существуют, что они вполне реальны. *Идея развития* трансформировалась в *принцип развития*, который коротко можно сформулировать следующим образом – *все в мире развивается; всякий реальный объект в том или ином отношении развивается, участвует в процессах развития*²⁴.

Трудно переоценить значение формулировки принципа развития, который, начиная с XX столетия, начинает играть фундаментальную роль в осмыслении природного и культурного миров в европоцентрической мыслительной традиции. Идея развивающегося бытия стала органически присуща европейской и российской метафизической конструкции (как религиозной, так и секулярно-философской).

Процессы развития в различных предметных областях исследовались также в разных науках, особенно активно и плодотворно в биологии и науках об обществе. Ретроспективный анализ различных конкретно-научных концепций развития является специальным предметом исследования, представленным множеством работ, даже простое перечисление которых займет довольно много места.

Важнейшим выводом всей совокупности исследований становится философская квалификация закона развития как *всеобщего и универсального закона природы*.

Во всемирно-исторической концепции развитие понимается как всеобъемлющий процесс (в смысле принадлежности всякого изменения этому эволюционному процессу, в который вовлечена вся природа). Такая интерпретация развития породила соответствующие законы развития, способы познания и освоения развивающегося мира. Основными аспектами исследования постепенно стали традиционные для науки проблемы – выявление закономерностей и законов, попытки их формализации и формирования на этой основе теорий, попытки осуществления прогнозирования. Собственно философской проблемой обсуждения в рамках этой концепции считается преимущественно вопрос о том, почему, как, откуда и куда развивается мир в целом. Понятна и многократно обоснована значимость исследования этого общего процесса. Особенно последовательно такой вариант осмысления развития реализован именно в концепциях Гегеля, Маркса, их последователей.

²⁴ При всей кажущейся общеизвестности и даже кажущейся общепринятости этого принципа недопустимо забывать культурологическую привязку идеи развития, то есть включения принципа развития только в контекст европоцентричных культур.

Подводя итог краткому историческому экскурсу, можно констатировать, что формирование идеи развития, далее принципа развития, построение учения о развитии и целостных теорий этого процесса – длительный и сложный процесс, не завершённый по сей день. На сегодня в осмыслении развития есть безусловные достижения, которые можно сформулировать следующим образом: проблема развития поставлена перед научным мышлением; идея развития переросла в принцип развития; в диалектике сформулированы законы всемирного развития; произведена определенная идентификация развития и отличие процессов развития от процессов других типов; развитие предстало как саморазвитие, то есть обусловленное преимущественно внутренней детерминацией; разработан категориальный аппарат, позволяющий осмыслять развивающийся мир, выражать знание о нем в языковых конструкциях в традиционной для европоцентричного мышления форме; идея и принцип развития активно используются во многих философских и научных построениях как средство понимания и объяснения мира, в том числе социального и идеального (теория творчества); произведено отличие индивидуального и исторического типов развития; заложены основы понимания специфики теории и методологии познания развивающегося мира в отличие от мира не развивающегося.

Примечание 2. Анализ проблемного поля, связанного с концепцией развития, демонстрирует практически полное отсутствие обсуждения культурно-метафизических оснований осмысления данного феномена. Как это часто бывает, европоцентрические философские и научные системы не идентифицируют мировоззренческие контексты, увлекаясь собственными достижениями и уверовав в их универсальность. На деле уже начиная с первых этапов вхождения идеи развития в мир философии и науки, она становится предметом мировоззренческого выбора, полем дискуссий и теоретических битв идеологических концепций, представляющих собой отражение систем ценностей и целевых ориентиров различных культурных и социальных слоев и групп, а в предстоящие столетия – уже культур и цивилизаций. Основания и смыслы нетривиальности такой постановки проблемы, как показано ранее, скрываются в культурологическом измерении метафизики, в особенности в понимании времени. Это направление исследований должно стать предметом дальнейших фундаментальных философских и научных исследований.

Примечание 3. Сформированное мировой философией и наукой проблемное поле в исследовании развития в значительной мере «замкнулось» на всемирно-исторических (по масштабу) и процессуальных (по ракурсу) аспектах проблемы. Но эти аспекты в своей всеобщности и абстрактности не дают *достаточных оснований* для исследования конкретных развивающихся объектов, использования научной гносеологии и методологии исследования развивающихся объектов, в том числе для практических нужд человечества. Дальнейшее исследование развития должно быть связано с углублением теоретических и методологических аспектов осмысления именно *развития конкретных объектов*. Необходимо осмысливать процессуальность бытия, его развивающийся характер применительно к конкретным объектам реальности на всех уровнях его организации – от метagalактического до биологически-индивидуального, социально-культурного, личностно-духовного и идеально-информационного. Это отнюдь не ведет к игнорированию идеи всемирно-исторического развития. Оценка степени общности закона развития не изменяется, а сам закон находит новые эмпирические и теоретические конкретно-научные обоснования и подтверждения тому, что любой фрагмент либо объект реальности (материальной либо идеальной) подвержен развитию (участвует в развитии, является продуктом развития, этапом развития) *в том либо ином отношении*.

§ 7. Европейская и российская философия и методология науки пока не смогли осмыслить и органично «имплементировать» в себя на современном уровне научного познания методологический потенциал теории развития, найти методологические подходы к исследованию развивающегося мира, которые были бы адекватны его структуре и динамике, подходы к

практическому использованию знания. Попытки углубиться в теоретические и методологические разработки в области познания сложных развивающихся объектов на конкретно-научном уровне пока не дали ощутимых результатов. Основной концептуальной причиной является то, что такой достаточной теоретико-методологической базы для объяснения процессов развития во всем их многообразии и многомерности не дает концепция всемирно-исторического развития.

Дефицит методологической базы вынуждал исследователей апеллировать порой к полумистическим, а не философским объяснительным образам («низус», «результанты» и «эмердженты», «творческий порыв», «точка Омега» и другое), прибегать к синкретическим сочетаниям несочетаемых оснований (например, в методологии исследования цивилизаций О. Шпенглера), агрессивно нападать и нигилистически отвергать возможности теории познания исторического развития (как это делал в особенности К. Поппер).

К решению проблем формализации знания о развитии неоднократно подключались логики, пытавшиеся осмыслить и заключить в логические формулы процесс развития, акт развития, скачок из одного качественного состояния в другое. Однако, несмотря на определенную успешность некоторых попыток, это также не привело к значимым изменениям в теории и методологии познания, в методологии конкретных наук.

Попытки науки (естествоиспытателей, исследователей общества, культуры, разума, человека) обратиться за методологической помощью к философии в исследовании сложных развивающихся объектов не давали эффективных результатов еще и потому, что часто философские исследования были сильно идеологизированы и политически ангажированы. Научное сообщество вовлекалось в дискуссии о *философских* и *идеологических* проблемах развития в рамках *заданных философами и политиками* проблем²⁵, в связи с чем содержательный (гносеологический и методологический) контакт философии и конкретных наук был весьма односторонним – он шел лишь в направлении от науки (как аргумента) к философии.

Создалась реальная ситуация методологического голода.

Именно этим можно объяснить бум, охвативший науку в связи с возникновением синергетики и теории диссипативных структур, переосмысление в этой связи возможностей теории систем, теории управления, теории катастроф, в том числе и в особенности под влиянием переоткрытых идей тектологии А. А. Богданова²⁶, которая по праву может считаться новой междисциплинарной наукой, предметом которой являются не вещи, а *организационные отношения*. И хотя фактические достижения синергетики до сих пор остаются весьма скромными, ее появление представляется знаменательным событием в науке, вызвало целую серию серьезных исследований, в том числе в отечественной философии.

Именно этим определяется сегодня и повышенный интерес к размышлениям мыслителей-практиков – управленцев, аналитиков, прогнозистов (например, в последнее время в особенности Н. Н. Талеба).

Примечание 1. Учение о развитии в европейских философских системах осмыслялось либо использовалось по-разному. Однако кроме материализма и объективного идеализма систематического осмысления развития предложено не было.

Усложнение реальности и ускорение динамики бытия породило несколько крупных попыток методологических прорывов во второй половине XX века в позитивизме (особенно Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд, Ю. Хабермас, Н. Луман). Однако в отношении позна-

²⁵ Например, в отечественной науке это были проблемы внутренних и внешних источников развития, направленности развития и т. п.

²⁶ Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2 кн. М., 1989. Отечественными специалистами отстается приоритет идей А. А. Богданова, в том числе по отношению к основам теории систем, заложенным в работах Л. фон Бергаланфи, который, по мнению Н. Н. Моисеева, не мог не знать о теории Богданова (См.: Моисеев Н. Н. Тектология Богданова – современные перспективы// Вопросы философии. М., 1995. № 8).

ния развития, возникновения нового этого было недостаточно. Позитивизм в различных его формах (в том числе в рамках неопозитивизма и постпозитивизма) не мог понять развитие и историцизм в особенности потому, что ему были непонятны причинные основания развития и возникновения нового, системные и синергетические эффекты, другие эффекты развития, которые не улавливаются эмпирически (фактологически), а также метафизические основания осмысления процессуальности. Смысловой «вершиной» (точнее «зияющей высотой») позитивизма в осмыслении развития стала социальная концепция антиисторицизма К. Р. Поппера.

В Европе были также предложены версии диалектики на экзистенциальной и идеалистической платформах (Ж. П. Сартр, Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Н. Гартман и другие)²⁷, сформированы направления исследования общества и человека в рамках различных течений философии, на основе различных методологических платформ (с учетом и без учета диалектики). Однако они явно не закрыли всех проблем, не предложили эффективного инструментария познания и управления развивающейся реальностью, не сформировали новых великих целей.

Закономерно, что в конце XX – начале XXI века, когда человек столкнулся с проблемами глобальной нестабильности и турбулентности, кризисов, множеством других феноменов как проявления мировой динамики и процессов развития, обнаружились эти смысловые тупики и начали появляться работы, прямо указывающие на недостаточность философско-методологической и научной базы для исследования сложных развивающихся объектов и процессов развития. В особенности – работы американского финансового аналитика-практика Н. Н. Талеба, анализирующие проблемы сильной неопределенности на основе концепций индивидуалистического эмпиризма и скептицизма.

Примечание 2. Современные философские и социально-философские концепции возможно и необходимо классифицировать по их отношению к развитию на основе следующих аспектов:

1. Признание либо непризнание факта развития, использование либо не использование этой идеи в собственных конструкциях.
2. Первичность-вторичность материального и идеального, объективного и субъективного, их интерпретация в отношении процессуальности бытия.
3. Трактовка системы детерминации в природе, обществе и идеальных объектах, причинного комплекса движения, самодвижения, развития, понимание субъектов и объектов детерминации процессов.
4. Интерпретация понимания времени.
5. Осмысление характера и характеристик (параметров) движения и процессуальности «сквозь призму» оснований философских систем.

Такая классификация онтологических принципов концепций позволит выявить сильные и слабые стороны самих концепций и их методологий в познании развития и процессуальности бытия в целом.

Примечание 3. В научных исследованиях и практике управления доминирует понимание развития Г. Гегеля, К. Маркса, Ч. Дарвина. Предпринимаются попытки активного использования концепций К. Поппера, И. Пригожина. Других авторитетных для науки концепций пока нет. Причем, даже в концепции диссипативных структур в качестве одного из принципиальных философско-методологических оснований И. Пригожин называл концепцию К. Маркса, а концепция К. Поппера не предлагает достойной альтернативы, отвергая историцизм (в виде марксизма) и основанные на нем социальные практики. Н. Н. Талеб также в работе 2007 года упоминает лишь концепции Г. Гегеля и К. Маркса, правда, соглашаясь с их критикой К. Поппе-

²⁷ Особенно: Гартман Н. К основоположению онтологии. – СПб.: Наука, 2003; Ж. П. Сартр. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000; Адорно Т. В. Негативная диалектика. – М.: Научный мир, 2003.

ром, тем самым лишней раз констатируя отсутствие иных равноможных теоретических конструкций.

Важно отметить, что систематическое развитие получила лишь рационально-научная материалистическая философская версия осмысления развития. Это величайшее достижение в современном мире просто замалчивается и преднамеренно истирается по причине идеологического противостояния.

Однако попытки дискредитировать и игнорировать материалистическое учение о развитии, оклеветать его, приписать ему несуществующие качества либо лишить присущих качеств, концентрировать внимание на наносном и ошибочном, игнорируя сущностное, останавливаться лишь на исторических формах и не видеть потенциала и перспектив – идеологический прием, который смоеет история, как на закрашенных иконах вскрыв истинные лики, потенциал и сущность материалистической диалектики. Вскроется и то, что главными оппонентами материализма являются элитарные идеологии, которые избегают встречи с объективными законами либо стремятся стать им неподвластными и именно поэтому панически боятся материалистической – объективно-истинной – оценки реальности. Боятся той объективности, которая не оставляет оснований для их оправдания и не допускает элитарности, уравнивает людей в их правах и обязанностях, выступает основанием и востребует всей закономерной объективностью *истинную народную демократию*.

Материализм является единственным полноценным философским основанием для современной науки и научного мировоззрения. Замалчивание и искажение этой истины – *от лукавого*; оно возможно лишь временно и будет преодолено. Потому что правда всегда сильнее лжи, а сила – в правде.

Глава 2. Метафизика процессуальности в комплексе природно-социально-духовных оснований функционирования, развития и конкуренции культур и цивилизаций

§ 8. В современном мире доминирующим способом осуществления человеком собственного бытия является культура, осуществленная *в и посредством* цивилизации (и государства).

Философское осмысление и научные исследования природно-социального тела и духовных компонентов различных культур началось относительно недавно – в XVIII–XIX веках. Оно развивалось параллельно с практическим взаимодействием различных культур.

В ходе развития исследований и практического взаимодействия формировались и изменялись ракурсы исследований и взаимодействий, происходила естественная эволюция самих культур, эволюция исследуемых проблем, постепенное углубление объяснения и понимания культур.

В целом на сегодня понятны основные параметры и черты культур, наличие в них сходств и различий, понятна необходимость поиска заглубленных духовных оснований и механизмов их воспроизводства и сохранения, функционирования, развития, проявления активности.

Однако есть основания полагать, что уровень объяснительного и понимающего углубления не достиг предельной глубины, в том числе по методологическим причинам. Потому результаты философских и научных исследований пока не способны вполне удовлетворить потребности науки и практики.

Примечание 1. В европейской истории до XIX века собственные и иные культуры воспринимались преимущественно феноменально. Глубинные духовные основания культур оставались либо неизвестными, либо воспринимались как некоторый относительно незначительный и несущественный этнографический антураж социальной организации человека (полагавшегося в сущности своей везде тождественным себе абстрактным индивидуумом). Европейские философские концепции той эпохи воспринимали мир как универсальность и не вполне осознанно предлагали в виде универсалий метафизику собственных национальных культур в синтезе с идеями Просвещения (включая английский субъективный идеализм Д. Беркли и Д. Юма, немецкую классическую философию И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинга, Г. В. Ф. Гегеля, Л. Фейербаха, «эстетически-поэтическую» философию И. В. Гете, экзистенциализм, иррационализм А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, неокантианство (особенно представителей баденской школы В. Виндельбанда, Г. Риккерта). Относится это и к гуманитарным исследованиям эпохи Просвещения (особенно И. Г. Гердера).

Первыми активными попытками осмыслить сущность культур через понимание самобытности духа, души (русской) культуры, «русской идеи» стали поиски русской философствующей литературы (Н. В. Гоголь, С. Т. Аксаков, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров и другие), философии и публицистики – западники (П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский), славянофилы (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, Н. Я. Данилевский, В. С. Соловьев, П. А. Флоренский), К. Н. Леонтьев, позднее С. Л. Франк, Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев, Л. Н. Гумилев, А. А. Зиновьев, С. В. Лурье, А. П. Андреев и другие.

Направленная попытка обнаружить глубинную сущность европейской конструкции духа была предпринята О. Шпенглером. Его концепция цивилизаций несмотря на свою метафизическую и мировоззренческую эклектичность, обозначила путь и вскрыла важные компоненты духа, обозначила направления исследований цивилизаций, разработки их типологий.

А. Тойнби в своих исследованиях предпринял попытку системного подхода к исследованию различий и сущности множества культур как целостностей. Его исследования, носившие во многом пионерский характер, также имели преимущественно дескриптивный характер, однако уже сочетали в себе эмпирические классификации на основе групп признаков и элементы объяснительного подхода.

Постепенно в европейской культуре начали появляться объяснительные теоретические концепции – этическая концепция М. Вебера, психоаналитическая концепция К. Г. Юнга, социологическая концепция Т. Парсонса, коммуникативистская концепция Ю. Хабермаса и другие.

Для обозначения глубинных стереотипических структур духа (души) народа, обуславливающих специфику его поведения и деятельности начали предлагаться объяснительные конструкции: протестантская этика, «харизма» (М. Вебер), «архетипы культур», «паттерны» (К. Г. Юнг), «тип, стиль, тон» (Г. Г. Шпет), «русская идея» (особенно Н. А. Бердяев), «габитус» (П. Бурдьё), «этнические константы» (С. В. Лурье), «стиль жизни» (Т. Парсонс), «этнический стереотип поведения» (Л. Н. Гумилев)²⁸, «традиция» (А. П. Андреев), «матрицы культуры» и т. д. Использовались также понятия «духа» и «души» применительно к народам и культурам. Каждое из них имеет свои достоинства и недостатки, является объяснительным для различного спектра культур и аспектов культур.

Примечание 2. Начиная с XVIII века и особенно в XIX–XX веках стали активно развиваться конкретно-научные исследования культур и цивилизаций. Огромную информацию дали археология, история, этнография, культурология, направленные комплексные исследования необычных и удивительных для Европы и России культур Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, в особенности индология, буддология, китаеведение, японоведение, исследования арабской и мусульманской культур, исследования культур различных туземных народов осваиваемой планеты. Важно отметить выдающийся и часто пионерский вклад русских исследователей Азии и культур различных азиатских народов.

Результаты этих исследований дают богатейший эмпирический материал для философского дискурса, материал пока не вполне освоенный и осмысленный философией в контексте взаимосвязи с динамикой культур, социодинамикой, управлением.

При этом одновременно данный материал уже вполне включен в социально-технологические разработки для реализации различных утилитарных (экономических, политических, геополитических) целей. Современность дает достаточные основания и аргументы для утверждения о том, что и социально-гуманитарная наука в осмыслении детерминант и закономерностей функционирования, развития и взаимодействия культур превращается в «непосредственную движущую силу» (К. Маркс).

Конечно, такое опережение инструментального применения научного знания над его философским и культурологическим осмыслением, над анализом и синтезом в контексте масштабов человеческой цивилизации, над превращением результатов этих осмыслений в скоординированные и конвенциональные планетарные управленческие доктрины несет в себе высокие культурологические и антропные риски планетарного масштаба.

Примечание 3. Принципиально важным является следующий момент. В начале эпохи научных исследований и философского осмысления культур и цивилизаций доминировали целевые установки элитарных групп и слоев европейских и русской культур, исходящий от них социально-культурный прагматический заказ. В XIX веке это были преимущественно осмысление и активность со стороны и по заказу аристократии и буржуазии, реализующий их ценности, цели и установки в исследовании и освоении культур. В рамках этой установки были порождены в частности масонская элитарная идеология, мизантропия мальтузианства с обос-

²⁸ Некоторые комментарии см. в работе: Рыбаков С. Е. Философия этноса. М., 2001. С. 199–226.

нованием необходимости уничтожения части населения («низших» народов) во имя сохранения ресурсов планеты для «высших» людей и народов, идеологию «перенаселения» и «экологической перегрузки» планеты (Римский клуб). Элитарная идеология в отношении различных культур в ее буржуазном виде родилась из потребностей практики торгового капитала, особенно голландской и английской Ост-Индских компаний²⁹, позднее стала определяться потребностями промышленного, а теперь финансового капитала. Аристократические цели и запросы также устойчиво воспроизводились и несколько эволюционировали. Поиски элитами обоснования собственной исключительности и мизантропии в XX веке продолжились в мистических учениях христианства (масонство), иудаизма (каббала), Ближнего Востока в целом, Индии и Тибета, оккультных и иных учениях (таких, например, как теософия Е. П. Блаватской и другие), расистских и нацистских исследованиях, проводившихся в том числе организациями Ку-клукс-клан, Аненербе. В настоящее время элитарные мировоззрения локализовались в виде группы масонских организаций и сатанинских сект³⁰. Поэтому либералистские издевательства над «теорией заговора» есть ни что иное, как попытка спрятать этот факт реальности³¹. Просто нужно понимать, что в попытках сохранения своего социального статуса элиты используют все ресурсы, в том числе сговор и «заговор» в мировом масштабе. Но это – не единственная сущность, а лишь один из инструментов управления миром.

Это происходит потому, что рациональное знание – всеобщее, демократичное, не допускающее неравенства и вынуждающее конкурировать на уровне личных качеств и вложенного труда, а не суммы наследства или полученного титула. Поэтому не странна эволюция мировоззрений элит в мистические воззрения, которая одновременно выступает как способ выделить себя из народа, обосновать элитарность и мизантропию, и одновременно попытка «спасть» слой собственников, укрепить его, превратить из разрозненных волков-одиночек в стаю, противостоящую всему человечеству, способ консолидации элит и приобщения к элитам, путь использования созданных ею систем социальной защиты для адептов собственных кланов богатых и властно-наследных, использующих все ресурсы одурачивания и одурманивания «так сказать народа», как физического (алкоголь, наркотики), так и духовного (ТВ, Интернет и т. д.). Для всего этого также необходима консолидирующая идеология, которая должна основываться на определенном мировоззрении, метафизике, иметь объединяющие основания, ценности и цели. Один из вариантов – уход богатых в церковь с целью поиска утерянных в результате «выхода из народа» духовных ориентиров, спасения, оправдания. Другие – мистика, оккультизм, эзотерика. Все эти основания, ценности и цели исключают науку и прогресс человечества. Потому теперь пути собственников и аристократических элит связывают человечество, не дают ему развиваться. В том числе потому, что отвлечение элит мистическими учениями, эзотерикой и т. д. сильнейшим негативным образом сказывается на развитии рационального знания, познания национального масштаба.

Однако начиная с середины XX века глубинные метафизические основания культур шире и масштабнее проявляют свою сущность, становясь в теории и на практике определяющей силой организационно-управленческой деятельности человека в планетарном масштабе, причиной и условием планетарной прагматики. Это потребовало философских и научных исследований в интересах народов и стран, а не отдельных социальных групп и слоев³².

²⁹ Т. Р. Мальтус был сотрудником, преподавателем колледжа и фактическим идеологом английской Ост-Индской компании.

³⁰ Подробнее см.: Селиванов А. И. Ценности мирового финансового капитала: цинизм, мистика, антиразвитие// Политическое образование. 29.04.2014. <http://www.lawinrussia.ru/node/298107>.

³¹ Хаггер Н. Синдикат: История мирового правительства. М., 2009.

³² Подробнее о взаимосвязи социальной природы науки и ее метафизических оснований (включая метафизику процессуальности) – с собственно методологией и содержанием научных исследований см. § 13.

В современных условиях речь должна идти о философии и комплексе социально-гуманитарных наук, связанных со всеми тремя сторонами природы человека – биологической, психической и социальной, в том числе информационно-психологические и социально-технологические разработки для управления человеком и человеческими сообществами. Научная деятельность в этих сферах переводит (должна переводить) в инструментально-практическую плоскость метафизические решения, не просто проявляя их, но организуя человеческую деятельность на их основе с помощью осмысленных (понятых) и обоснованных социально-гуманитарными науками, сверенных с этическими и правовыми нормами средств и выработанных философией и наукой способов практического организационно-управленческого действия.

§ 9. Теоретическим фундаментом для обоснования различий систем ценностей отдельных культур является культурно-цивилизационная парадигма. Основная посылка – признание относительной самостоятельности и целостности различных «культурно-исторических типов» (Н. Я. Данилевский), полагание культуры как целостности, которая определяется природностью, социальностью и духовной самоидентичностью.

Каждая цивилизация и характер ее бытия представляют собой сочетание материальных и идеальных компонентов самоосуществления и взаимодействия с другими цивилизациями посредством деятельности, являющихся результатом сочетания а) *условий осуществления бытия*, б) *способов осуществления бытия (характера деятельности)*, в) *результатов* этой деятельности. Характер деятельности в сочетании идеальных и материальных компонентов реализуется *в и посредством* традиции как устойчивого во времени феномена, определяющего культуру.

Основным выводом из множества исследований и размышлений о характере народов в рамках этого подхода является следующий: каждый народ имеет свою историю, свою культуру, свою традицию, свой тип души, который «складывается однажды в его истории, складывается раз и навсегда», формируясь веками³³, свою достаточно специфическую организацию общества, развивающуюся исторически. Совокупность духовных оснований традиции можно выделить специально, обозначив в их феноменальном формате терминами «опорные культурные матрицы», «матрицы культурной традиции»³⁴.

У русского народа и народов России есть свои традиции, свой самобытный тип души, характер народа, выработанные в истории³⁵.

Такой подход можно с некоторой условностью назвать традиционализмом.

Дополнение. На первых этапах постсоветского периода предпринимались попытки реанимировать цивилизационно-культурный подход. Однако в России он имеет лишь органичные его традиции славянофильские, почвеннические (православные в своей основе) и евразийские корни и формы, имеющие категорически антилиберальную, антибуржуазную, государственно-национальную идейную направленность. В условиях агрессивного идеологического диктата со стороны либерализма в России это не позволило реализоваться, развиваться и закрепиться и данному подходу. Помогло этому и достаточно аморфное и слабо рационализированное содержание комплекса идей этих концепций, пока оказавшихся не способными выйти на уровень организованных и институционализированных форм, конкретики управленческих действий.

Примечание 1. По своей природе человек является существом биопсихосоциальным – это базовая позиция материалистической философии. Такой подход требует учитывать био-

³³ См.: Зиновьев А. А. Посткоммунистическая Россия. М., 1996. С. 325.

³⁴ См.: Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М., 2004.

³⁵ См.: Андреев А. П., Селиванов А. И. Русская традиция. М., 2004.

логический, психический, социально-культурный компоненты природы человека, причем, не только вообще, но и в каждом конкретном случае и конкретном исследовании.

Известна мысль Ф. Энгельс: «... Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, – а не наоборот, как это делалось до сих пор»³⁶. Однако сущность человека (и потому основы его деятельности) ни коим образом не сводятся к биологической природе, в том числе в структуре мотивации деятельности. Понятно, что без поддержания биологической жизни человек не существует, однако понятно и то, что человека не существует без его психики и без его социальности, поскольку в таком случае он превращается в дочеловеческое биологическое животное.

«Пропорции воздействия» биологического, социально-культурного и психического компонентов на проявления человека (в том числе в его поведении, деятельности) в разных отношениях, состояниях и случаях различны, потому различны иерархия, приоритеты, доминанты биологического, социально-культурного и психического компонентов в каждом конкретном отношении, состоянии и случае. В целом эти «пропорции» зависят от исследуемого уровня организации человека (человека-личности, человека-общества, человека-культуры), отношения, ситуации и состояния, в которых находится (берется, рассматривается) конкретный человек (личность, общество, культура), от внешней среды (окружения), сферы приложения, вида деятельности, характера исследуемого акта поведения (поступка) и т. д.

Позиционирование каждой цивилизации в ряду других цивилизаций, взаимодействие и конкуренция с ними, перспективы каждой цивилизации в каждый текущий исторический период определяется большим набором материальных и идеальных параметров. Эти параметры не очевидны, требуют выявления. Их набор, конкретные комплексы, иерархии (по основанию приоритетности) будут постоянно находиться на острие мировоззренческих и научных дискуссий. Понимая, что в таких исследованиях нельзя гнаться за скоропалительными результатами, что проблема сначала должна, по крайней мере, *выйти* в поле философских и научных дискуссий, здесь достаточно обозначить лишь *две группы и основные типы* параметров формирования культур и цивилизаций в их реальной истории, не заходя излишне глубоко в проблематику социальной философии.

Первая группа – совокупность естественных природных условий и природных ресурсов как органического компонента условий, способов осуществления бытия и результатов деятельности, включая самого человека как природную данность в единстве его материального и духовного, в общем и специфическом, в том числе на уровне генетических оснований антропности на уровне рас и этносов, в характере материальных аспектов традиций.

Вторая группа определяется духовными (идеальными) *способами и основаниями* человеческой деятельности как компонентами традиции. В условиях нарастающей равнодоступности ресурсов планеты для всех культур и цивилизаций, технологических возможностей по обеспечению практической унификации условий жизнедеятельности человека в различных климатических зонах, именно духовные основания и способы человеческой деятельности становятся решающими параметрами, позволяя различать культуры и цивилизации.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд-е 2. Т. 19. С. 350–351.

Духовные (идеальные) способы деятельности (являющиеся основаниями деятельности также и в материальной сфере) в комплексе разума как рационально-этически-эстетической целостности разделяются на *мыслительные* и *ценностные*.

Примечание 2. Основными параметрами мыслительной деятельности являются: логика и порядок построения логических выводов, начиная от первичных мыслительных конструкций (в наших языках от понятий) до характера и алгоритма построения логических умозаключений, систем аргументации, видов устойчивых ассоциаций, образов, воздействия интуиции и других форм мышления, характера творческого поиска, до алгоритма принятия решения, в том числе управленческого. Исследованию рациональных и мыслительных в целом аспектов познания будут посвящены следующие главы работы.

Примечание 3. Ввиду важности для последующего исследования, здесь необходимо дать краткий аналитический обзор проблемы ценностей как феноменального проявления заглубленных метафизических оснований культуры, метафизики духа народов³⁷.

Ценности и ценностные ориентации являются существенным основанием формирования отношения человека к природе и обществу, осуществления собственной деятельности, одним из фундаментов формирования, функционирования и развития цивилизаций. Они определяют характер целей и способы их продуцирования, выбор способов деятельности по достижению поставленных целей, направление социальной активности, ключевой компонент культурной традиции. Не вызывает сомнения фундаментальная значимость ценностей в жизни человека. «Человек есть существо оценивающее... Определение ценностей и установка их иерархии есть трансцендентальная функция сознания. Даже дикарь совершает оценки»³⁸.

Не случайно проблема ценностей издавна привлекала внимание философии и науки. Известны различные философско-концептуальные подходы к их осмыслению – можно особо выделить теоретические разработки проблемы ценностей такими авторами, как В. Дильтей, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Дж. Дьюи, М. Вебер, П. А. Сорокин, О. Шпенглер, Т. Парсонс, В. П. Тугаринов и другие. Естественно, авторы, опирающиеся на разные философские, научные, религиозные системы, предлагают различные варианты решения проблемы.

В отечественной материалистической философской традиции базовым можно полагать определение ценностей, предложенное В. П. Тугариновым: «Мы можем определить понятие ценностей в самом общем смысле так: ценности суть те явления (или стороны, свойства явлений) природы и общества, которые полезны, нужны людям исторически определенного общества или класса в качестве действительности, цели или идеала»³⁹.

В настоящее время понятно, что исследование ценностей является более плодотворным и адекватным реально существующим, когда оно осуществляется на основе комплексного подхода во всех взаимосвязанных аспектах – философском, социально-теоретическом, социально-эмпирическом, психологическом. В том числе потому, что ценности, живя в обществе и составляя основу его духовного каркаса, не существуют абстрактно, сами по себе. Все ценности являются таковыми только для духовного мира личности, группы, общества, культуры, которые именно оценивают и наделяют ценностью те или иные явления действительности. Ценности реализуются посредством *ценностных ориентаций* и *целей* конкретных личностей и социальных групп, их социальных интересов и мотивов деятельности. Поэтому проблемам ценностей, ценностных ориентаций и их иерархиям уделялось и уделяется большое внимание в современной отечественной социологии и психологии (А. Г. Здравомыслов, Н. И. Лапин,

³⁷ Подробнее см.: Андреев А. П., Селиванов А. И. Русская традиция. М., 2004. С. 125–132.

³⁸ Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М., 1997. С. 473.

³⁹ Тугаринов В. П. О ценностях жизни и культуры. Л., 1960. С. 15, 16. См. также его работу: Теория ценностей в марксизме. Л., 1968.

И. Т. Левыкин, В. А. Ядов, М. И. Руткевич, А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, Н. А. Журавлева и другие).

Часто, говоря о ценностях, рассматривают лишь ценности морально-нравственные. Однако это явное сужение проблемы.

Ценности делятся на материальные и духовные, т. е. воплощенные или не воплощенные в материальных субстратах. Причем, духовные ценности могут определенным образом материализоваться, а материальные ценности приобретать духовный характер, становиться носителем идеального.

Различают ценности нескольких типов.

Материальные ценности. Существует целый комплекс материальных предметов, которые важны для человека, – это, во-первых, пища, одежда, жилище, во-вторых, средства производства, в-третьих, множество продуктов материальной деятельности человека, необходимых для обеспечения его жизни, осуществления культурной деятельности и развития.

Витальные (жизненные) ценности. Это ценности, обуславливающие ориентацию на воспроизводство жизни. Стержневая ценность и есть собственно *жизнь*⁴⁰. Соответственно важнейшим набором ценностей являются ценности, обеспечивающие саму жизнь (витальные ценности). Естественно, в первую очередь это *материальные условия жизни*⁴¹. Но не менее (если не более) важными ценностями являются механизмы, обеспечивающие воспроизводство жизни (человека и общества): *труд* (материальное воспроизводство и развитие условий жизни человека и самого человека⁴²), *семья* (физическое и духовное воспроизводство человека и рода), *государство и Родина* (комплексное и историческое воспроизводство и защита традиций). Они являются ценностями, к которым устремлено общество относительно характера труда, качества семьи, понимания Родины. Даже труд различается, имея различные мотивационную основу, целевую установку, формы, необходимые материальные и духовные ресурсы для восстановления и развития организма с целью воспроизводства трудовых отношений.

Экзистенциальные ценности. На метафизическом и мировоззренческом уровнях ключевыми являются экзистенциальные ценности, основные из которых – *благо, смысл жизни и счастье*. Они играют значимую роль в формировании ценностных ориентаций и жизненных целей. Причем проблема смысла жизни – одна из наиболее важных экзистенциальных проблем для человека. Именно она отличает человека от окружающей природы, потому что человек стремится к обретению смысла жизни. Смысл жизни, как понятно, по-разному трактуется в различных культурах (цивилизациях), в различные исторические эпохи.

В зависимости от выбора той или иной парадигмы смысла жизни происходит осмысление остальных ценностей и формирование ориентаций и жизненных целей личности. Принципиальными альтернативными решениями в целевых установках являются такие как: «*жить или быть*», «*иметь или быть*», «*быть или казаться*».

Материальные, витальные и экзистенциальные ценности органически связаны с собственно духовными ценностями, которые также могут быть различными, поскольку они формируются и воспроизводятся определенной традицией и культурой, развиваются и изменяются исторически. Каждое общество в процессе своей истории формирует свои духовные ценности.

Моральные и нравственные ценности. Они формируются на базе понимания и решения проблемы соотношения *добра и зла* и направлены на нравственное совершенствование личности путем оценки ее поступков. Их перечень и интерпретации исторически и культурно обу-

⁴⁰ Понятно, что жизнь по-разному оценивалась в различных культурных традициях и философских концепциях. Не вдаваясь в существо проблемы, сошлемся на ее недавнее обсуждение в коллективной работе Института философии РАН: Жизнь как ценность. М., 2000.

⁴¹ Выражаясь словами К. Маркса, прежде чем мыслить, человек должен иметь жилище, питаться, одеваться.

⁴² В русской традиции труд рассматривается в том числе и в особенности как *средство развития человека*, человеческой сущности, а не только как средство обеспечения условий его жизни.

словлены, они могут выступать и как реальность жизни, и как идеалы. Например, известно золотое правило морали – «не делай другому того, чего не желаешь себе, и делай то, чего себе желаешь». Или императив И. Канта – «делай, что должно, и будь, что будет».

В русской традиции морально-нравственные ценности имеют особенную значимость. Они приобретают конкретный вид в виде идеалов *правды* (истины в добре), *активного добра* и *высшей справедливости*.

Правовые и политические ценности. В них более выражен социально-классовый смысл. Речь идет о таких ценностях, как *государство, национальная безопасность, политическая свобода, мир и сотрудничество народов и стран, закон, правопорядок, справедливая власть и суд* и др. Каждое общество в своей реальной истории по-своему решает проблему содержания и сочетания иерархии этих ценностей в своей жизни и идеалах. Особое значение имеет решение вопроса социального насилия (а также наказания), решение которого зависит от мировоззренческих и ментальных смыслов традиции.

Гносеологические ценности. Таковыми являются *язык, истина, знание, вера, смысл, методы и инструменты познания* и др. Эти познавательно-мыслительные условия жизни, обеспечивающие существование человека и общества (духовная культура в виде языка, науки, образования и т. д.), также являются ценностями.

Эстетические ценности. Имеют дело с категориями *прекрасного* и *безобразного, возвышенного* и *комического* и т. д. У них как реализованный (материально воплощенный), так и идеальный характер. В материально воплощенном они существуют в виде различных художественных произведений и продуктов народного творчества, в идеальном – в виде осознаваемых или неосознаваемых идеалов красоты, путей ее постижения и созидания.

Религиозные ценности. Религиозные ценности в каждой религии различны. Их основу составляют ценности духовные, которые не сводятся к экзистенциальным, моральным, гносеологическим, правовым и политическим, а обладают самостоятельной метафизической природой, где зафиксирован поиск первоначал, которые принимаются на веру. Этими ценностями в православии, например, являются Бог, Слово Божье (священные книги), Божье добро, истина и красота, Богообщение, рай, культ, церковь и ее институты.

Религиозным ценностям противостоят *ценности свободомыслия и атеизма*, которые также отличаются в разных культурных традициях, реализуясь в виде совокупности секулярных жизненных, моральных, правовых, гносеологических и иных ценностей и норм.

В общих чертах можно согласиться с позицией В. А. Кувакина, относящего к ценностям такие, как жизнь, смерть, любовь, секс, чадозачатие, семья, воспитание детей, свобода, уединенность, участие, труд, отдых, творчество⁴³ с поправкой на то, что это основные ценности современного европоцентричного (в том числе русского) человека, прочтенные «сквозь призму» русской культуры.

Дополнение 1. В материалистической философии материалистические и витальные ценности справедливо полагаются первичными. При этом примитивное и тем более вульгарное понимание характера доминирования этих ценностей давно осталось в прошлом. Первичность материалистических ценностей необходимо трактовать как а) генетическую (по происхождению – сначала жизнь человека, затем все другие ценности), б) функциональную (важность обустройства и совершенствования обустройства жизни человека перед другими ценностями во всех аспектах – личностном, социальном, цивилизационном), в) как способность материальных и витальных ценностей доминировать над иными ценностями и определять иерархию и «очередность» учета ценностей в принятии значительной части решений в ситуации выбора.

⁴³ См. подробно об этих ценностях в работе: Кувакин В. А. Твой рай и ад: Человечность и бесчеловечность человека (Философия, психология и стиль мышления гуманизма). СПб., М., 1998. С. 183–211.

Дополнение 2. Совокупность ценностей конкретных народов, социальных групп, личностей представляет собой целостный иерархический комплекс. Не существует абстрактных «общечеловеческих ценностей», присущих всем культурам, народам, людям. «Общечеловеческие ценности» – это теоретическая абстракция, предназначенная для идеологических целей, в том числе для «протаскивания» на мировой уровень ценностей конкретной культуры или социальной группы (например, ценностей европейского либерализма). Существует множество различных по содержанию ценностей и систем ценностей в рамках одного типа ценностей. Те типы ценностей, которые образуют жизнь и развитие народа и государства и которые (в конкретном выражении), формируются в процессе социально-исторической практики решения метафизических проблем, составляя основу деятельности, выбора, принимаемых решений.

Дополнение 3. Система ценностей в каждой культуре и субкультуре естественным образом организуется в комплекс с его внутренней иерархией, трансформируясь в каждую историческую эпоху как в отношении содержания и набора ценностей, так и в отношении их иерархии, выстраивания ценностных приоритетов. Ценности и системы ценностей эволюционируют в рамках культуры, при возрастных и ситуационных трансформациях личности, в человеческой истории.

Дополнение 4. Наличие и даже доминирование в обществе определенных ценностей и идеалов не гарантирует их соблюдения и следования им каждой конкретной личностью. Поэтому те или иные ценности, будучи признаваемы в обществе, иногда не являются ценностями для отдельных людей.

Дополнение 5. Иерархия ценностей корректируется в каждой конкретной ситуации выбора и может быть различна, однако есть основания полагать, что и доминанты ситуативного выбора могут быть заложены в метафизические основания культуры. Так, в обыденной жизни могут доминировать материальные и витальные ценности, однако во многих ситуациях для многих людей становятся дороже жизни честь, Родина, семья и другие ценности.

§ 10. Всякая национальная культура (и особенно культура на территории государства) предстает одновременно как некоторая традиция и как совокупность множества различных более мелких субкультур, которые могут быть как сопряжены с национальной традицией (являться частью традиции), так и не сопряжены с ней. Соответственно, в рамках одной культуры (и даже национальной культуры) могут воспроизводиться различные метафизические основания и мировоззрения различных социальных групп (включая смыслы, характер процессуальности и времени, ценности), отличных как по численности носителей, так и по мощности воздействия на культуру в целом, на социальную динамику и управление ею в тот или иной период времени.

Духовные основания метафизики и мировоззрения различных социальных групп могут корениться как в национальных культурах, так и вне них, в том числе в культурах других государств народов и государств (как по естественным причинам, так и по причинам искусственного рукотворного свойства, то есть преднамеренному их созданию и внедрению социальными субъектами других стран).

В этой связи предлагаемый подход исходит из наличия множества различных социальных групп и слоев, являющихся носителями тождественных, сходных или различных мировоззренческих позиций, взаимодействующих между собой, и сокрытых в их глубинах метафизических оснований культуры (субкультур) и деятельности. Такое понимание является чрезвычайным по важности для осмысления всей последующей проблематики.

Примечание 1. В формировании культур различных социальных групп (субкультур), их функционировании в рамках национальных культур (или параллельно им в той или иной цивилизации или стране), в формировании и эволюции метафизических и мировоззренческих основаниях субкультур основной доминантой является социально-культурный аспект чело-

веческой природы с сильным влиянием социальной витальности – стремлением к выживанию, сохранению, воспроизводству, развитию социальных групп (семейно-родовых, корпоративных) в конкурентной борьбе с иными социальными слоями и группами.

В понимание социальной природы человека наиболее глубоко проник материализм. Известны формулы К. Маркса и В. И. Ленина о социальной сущности человека: «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»⁴⁴; «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»⁴⁵. Принципиально важно отметить то, что социально-культурная природа сущности человека – это одновременно и объективная данность, и базовое методологическое основание материалистического подхода к осмыслению человека (и как человека-личности, и как человека-общества, и как человека-культуры), его социальной практики в частности и в особенности.

Общая формула о социальной сущности человека требует детализации. Сущность человека (как личности, группы, общества, культуры) необходимо понимать как синтетический комплекс, организующийся в результате многомерного воздействия на данного конкретного субъекта со стороны всего социально-культурного комплекса и взаимодействия с ним, в том числе со стороны субкультур.

Известны различные социальные субкультуры – социально-классовые, этнические, возрастные (например, молодежные), профессиональные, региональные, по социальным интересам и психическим отклонениям, криминальные и т. д. Не часто говорят о субкультурах «элит», но они также существуют – аристократические, деловые, чиновничьи субкультуры. Причем, именно они являются существенно важными в социальном позиционировании философии и науки, исследовании процессуальности, выходя на уровень принятия стратегических управленческих решений от имени своих социальных групп, которые часто сравнимы по мощности воздействия на человечество с целыми народами и государствам и даже превышают их.

Субкультуры и личные культуры являются совокупным результатом воздействия а) со стороны культуры в целом по всем ее каналам, б) со стороны общества в целом, в) со стороны личностей в данной группе и их семей, г) со стороны окружения и реакции на него, характерной для данной группы, д) со стороны СМИ и реакции на него, е) со стороны обстоятельств и реакции на них, ж) со стороны различных субъектов направленного воздействия на группу со стороны тех или иных социальных групп и т. д., в различных пропорциях и с разными доминантами. Это обусловлено одновременно и разновременным существованием множеством социально-культурных контекстов и социальных групп, воздействующих (или осуществлявших воздействие в истории) на каждого отдельного человека, на каждую социальную группу, на общества и народы (в процессе формирования и воспитания, организации, а далее – в ситуациях выбора, принятия решения, конкретного действия). Такая реальность делает необходимым в каждом социально-культурном исследовании и контексте использовать данный подход в качестве базовой методологической платформы.

Собственно духовный мир субкультур представляет собой сложный синтетический конгломерат различных рациональных и иррациональных компонентов, различных мировоззрений. Этот состав должен также исследоваться конкретно в каждом случае. Субкультуры различных социальных групп несут в себе своеобразный в каждом конкретном случае синтетический духовный комплекс (состоящий из общего для всей культуры и единичного, специфического лишь для данной субкультуры), а также несут в себе весь набор инструментов реализации и выражения собственного миропонимания и практической самореализации (структуру

⁴⁴ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3. – С.3.

⁴⁵ Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.12. – С. 104.

социальных связей и отношений, социальный статус, отношения с другими социальными группами, язык, символы и т. д.).

Субкультуры реализуются в окружающем социальном и культурном пространстве в виде общественных и индивидуальных действий. Естественно при этом, что при осуществлении деятельности, поведении, принятии решений на уровне личности подключаются биологические и психические компоненты природы человека, а на уровне общества – общественная психика. Механизмы реализации субкультур в их воздействии на духовную культуру общества и духовный мир личности также различны.

Естественно, необходимо говорить об эволюции и колебаниях смыслов различных социальных групп, эволюции предпочтительной (избираемой) метафизики процессуальности.

Примечание 2. В советский период в отечественном общественном сознании при осмыслении социальной динамики доминировал классовый подход. В постсоветский период ему на смену не пришел никакой иной, который мог бы претендовать на достаточно высокую теоретичность, научность, общепризнанность. Классовый подход не был опровергнут, он был просто «задвинут» на заднюю полку общими репликами типа его «устаревшего характера» и забыт. Помогло этому и задомгатизированное в советское время обсуждение теории классов и общественно-экономических формаций.

На деле, деление в реальном обществе на различные социальные группы, в том числе на классы по признаку владения собственностью, не отменилось, по-прежнему существует и оказывает решающее воздействие на социальную динамику. Как и прежде, существуют классы как «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»⁴⁶.

Естественно, в настоящее время изменилась классовая структура общества, характер и структура всех типов отношений (экономических, политических, правовых и т. д.) между различными социальными группами и классами в рамках отдельных стран и в масштабах планеты в целом, изменился потенциал воздействия различных социальных групп на разные социальные процессы, в том числе на региональные и глобальные экономические процессы и системы управления.

Однако не изменилось главное – наличие органической взаимосвязи и зависимости характера активности и направлений деятельности, интересов и целей от социальной принадлежности человека вообще и от отношения человека к собственности на средства производства в особенности. Не изменилась и природа взаимосвязи мировоззрения с социально-групповой и культурно-исторической принадлежностью, которые, как и прежде, формируют метафизические основания духовности и мировоззрение человека, его версии великих смыслов, его ценностные ориентации и жизненные цели.

В отношении капитала важно также понимать различие социальных и мировоззренческих позиций различных групп капитала (и исторических периодов капитализма). В особенности важны различия между социальными группами, представляющими торговый, промышленный и финансовый капитал, в том числе в их понимании процессуальности и развития. Так, финансовый (чистый) капитал становится окончанием (пределом) метафизики развития, концом процессуальности и концом потому истории капитала.

Примечание 3. Наиболее крупным и важным в современную историческую эпоху является деление на доминирующую народную традицию (демократическую в истинном смысле

⁴⁶ Ленин В. И. Великий почин// Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 39. – С. 15.

слова) и корпоративно-групповые версии мировоззрений и метафизик, в том числе субкультур аристократических, деловых, бюрократических социальных групп. Поэтому особенно важно говорить о противостоянии на уровне ценностей, интересов, целей, направлений деятельности, форм организации корпоративно-групповых форм организации общества – национально-государственным формам⁴⁷.

Интересы корпораций, частных лиц, отдельных семейных кланов, например, ныне таких могущественных, как Ротшильды, Рокфеллеры, но также и все другие, крупнейших хозяйствующих субъектов (ТНК, МНК) отличаются от национально-государственных. Потому общенациональные интересы не тождественны арифметической сумме интересов корпораций и частных лиц на территории государства, в том числе России. Поэтому замещение национально-государственных интересов совокупностью частных и корпоративных, как того требует либеральная идеология и практика, губительны для любого государства, народа, культуры (даже для США).

Многие кризисные явления, переживаемые современной Россией, предопределены именно неоправданным уменьшением роли государства в обществе, сокращением объема и характера выполняемых им функций и ролей, снижением качества государственного управления. Образовавшийся после ухода государства вакуум в разных сферах общественной жизни и культуры заняла узкокорпоративная субъектность со свойственными ей частными и групповыми интересами и целями, многие из которых оказались в «поле притяжения» иных государств и культур (либо направленно сформированы ими). Возникла иная иерархия целей, где на первый план выходят частные, групповые интересы, связанные с выгодами от бесконтрольного распоряжения природными ресурсами и государственной собственностью. Даже такие существенно и жизненно важные задачи, как обеспечение национальной безопасности государства, охрана правопорядка, регулирование социальных отношений и экономики, обеспечение будущего, в том числе в виде решения проблем культуры, демографических проблем и заботы о детях и молодежи, проблемы образования и науки начали уходить в число периферийных задач и, более того, квалифицироваться как «социальные услуги». До недавних пор перестали приниматься во внимание реальные интересы общества в целом и основной массы населения, которые учитывались лишь в той степени, насколько осознавалась опасность пренебрежения ими.

Такой подход доказал свою несостоятельность и губительность для страны. Именно поэтому Президентом России В. В. Путиным уже в Послании Федеральному Собранию РФ 2006 года был сделан жесткий вывод: «С переменами начала 90-х были связаны большие надежды миллионов людей, однако ни власть, ни бизнес – не оправдали этих надежд. Более того, некоторые представители этих сообществ, пренебрегая нормами закона и нравственности, перешли к беспрецедентному в истории нашей страны личному обогащению за счет большинства граждан»⁴⁸.

Ситуация с годами лишь продолжает усугубляться. Несмотря на некоторые проекты (особенно «Олимпиада-2014», «Крым») выстроить целостную систему национальных интересов и приоритетов не удается либо такая задача не ставится.

§ 11. Осуществление человечества как множества культур (и субкультур) в их *отношениях и взаимодействиях* – суть атрибутивный способ осуществления человечества и его процессуальности (включая развитие).

⁴⁷ См.: Селиванов А. И. Противостояние ТНК и государства как основное противоречие эпохи// Значение наследия А. Е. Снесарева для решения современных проблем геополитики. Материалы научно-практической конференции в Военной академии Генерального штаба ВС РФ. М., 2006.

⁴⁸ [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.archive.kremlin.ru, свободный.

Взаимодействие организует культуры и формирует процессуальность (включая развитие) собственно культур и социально-культурных систем⁴⁹.

Феноменальное взаимодействие культур осуществляется во всех сферах социально-культурного бытия – политической, правовой, экономической, философской, научной, религиозной, экологической – как по отдельности, так и в различных комбинациях. Феноменальное взаимодействие определяется природными (в том числе собственно антропными), социальными и духовными (в том числе метафизическими) аспектами природы человека и осуществляется механизмами, присущими и доступными этим аспектам природы человека.

Взаимодействия внутри культур и между культурами могут носить различный характер. От характера взаимодействия, лежащего в основании процесса, зависит характер самого процесса.

Структура *отношений*, цели, задачи, формы и масштабы *взаимодействий* эволюционируют вместе с культурами и человечеством.

В обозримом будущем государства и межгосударственные союзы будут играть все большую роль. Каждое государство как единство народа, культуры и территории в этой связи должно выстраивать собственную стратегию, уметь отстаивать национальные интересы в конкурентной борьбе, создавать национально-эффективную систему государственного управления. Мировая практика доказывает, что выдержать современную конкуренцию без сильного государства уже практически невозможно даже хозяйственным структурам. Поэтому снижение либо устранение государственного регулирования из многих сфер жизнедеятельности общества формирует колоссальные экономические риски на ближайшую и особенно на отдаленную перспективу.

Россия, как и всякое государство, имеет собственные национальные интересы. Совокупность национальных интересов России и приоритетов ее развития должна определяться самостоятельно с учетом общемировой динамики и при возможности учета интересов других стран. Необходима здоровая прагматика, эффективность которой демонстрируют все эффективно развивающиеся страны Запада и Востока. В том числе в целях, задачах, функциях и полномочиях правоохранительных органов.

В современном мире отношения и взаимодействия между культурами, странами, цивилизациями, негосударственными социальными субъектами переходят от доминирования отношений и взаимодействий *в настоящем* к доминированию отношений и взаимодействий *применительно к будущему*.

Одним из важных типов отношений является *конкуренция*. В настоящее время в особенности важной становится конкуренция на национально-государственном уровне, уровне цивилизаций, народов, крупнейших финансово-хозяйственных систем. Причем, для развития конкретных объектов имеют огромное значение характер конкуренции между разными социальными субъектами, в том числе с отличающимися метафизиками процессуальности.

Содержание характеристик и параметров взаимодействия и конкуренции исторически эволюционирует. Это обусловлено а) внутренней динамикой самого развивающегося объекта, б) совокупностью и динамикой складывающихся внешних природных (материальных, энергетических и информационных) условий, включая все виды ресурсов, в) обстоятельствами планетарной социально-культурной динамики, которые определяются внутренней динамикой и взаимодействием других социальных субъектов (такими как динамика других культур, миграция населения, развитие техники и технологий и их результатов их осуществления как предметной деятельности человека, набора инструментов, механизмов и т. д.).

⁴⁹ Взаимодействие как ключевой процесс в *организации* собственно процессуальности бытия, включая развитие и, соответственно, взаимодействие как ключевая категория в *осмыслении* процессуальности, включая развитие, будут специально исследованы в Гл.б.

Примечание 1. XX век стал начальным этапом осмысления и осмысленного взаимодействия (и конкуренции) культурных миров. Многие аспекты становятся понятными, многое предстоит исследовать, в том числе с учетом эволюции.

Для современного человеческого сообщества принципиально важны следующие обстоятельства взаимодействия культур:

– мультикультурность и взаимодействие между национальными культурами, субкультурами в рамках национальных культур, национальных культур с субкультурами, субкультур между собой есть *атрибутивное обстоятельство* и *необходимое условие* процессуальности коллективного человеческого бытия и отдельных человеческих общностей и их культур, в особенности – прогрессивного развития сообществ и человечества в целом. Исчезновение мультикультурности и культурная унификация человечества несет в себе стагнацию и гибель процессуальности человеческого бытия. Исчезновение взаимодействия между культурами также есть стагнация и гибель процессуальности человеческого бытия и бытия конкретных культур. Данный тезис утверждает противоположное попыткам глобальной унификации человечества, которые в настоящее время являются наиболее активно обсуждаемой и внедряемой в практику формой глобализации, имеющей основания в англосаксонском и масонском мировоззрениях;

– множество культур и субкультур человечества обуславливает множество систем взаимодействия и характеров процессуальности, которые в совокупности своей формируют «генофонд» типов процессуальности человечества и характеров обусловленности этих типов процессуальности;

– на каждом этапе эволюции человечества и конкретных человеческих сообществ и их культур для полноценного функционирования и развития человеческого сообщества необходимы эффективные способы взаимодействия культур и субкультур с различной природой процессуальности, поиск и организация которых являются в том числе проблемой управленческих решений и предметом научных исследований;

– от того, какие антропо-социально-духовные (и метафизические) основания социо-культурных взаимодействий являются доминантными во взаимодействии культур (субкультур) в тот или иной период времени, зависит результирующий вектор направления процессуальности, «суммирующий» взаимодействие культур с различной природой процессуальности для некоторого интегрального развивающегося объекта (в качестве которого, понятно, может выступать как человечество в целом, так и многообразные, в том числе относительно небольшие, но имеющие собственные метафизические основания, человеческие сообщества);

– естественно, современность также ставит эти проблемы и постоянно ищет и вырабатывает такие решения. Различными социальными субъектами предлагаются, внедряются, апробируются, разные способы взаимодействия, пути и модели интеграции (и дезинтеграции) человеческих сообществ. Существуют различные интересы и цели, различные, в том числе противоположные, тенденции как глобального (планетарного и регионального) масштаба, так и внутри каждой отдельной страны, внутри корпоративных структур, между ними по отдельности и всеми вместе взятыми.

Дело философии и социально-гуманитарных наук заключается в анализе происходящих процессов, их оценке с точки зрения перспектив человечества, разработки и оценки сценариев развития различных человеческих сообществ и человечества в целом в зависимости от выбора той или иной детерминанты, того или иного сценария и процесса.

Дополнение. Поиск и выработка генеральной линии дальнейшего развития человечества видится в различных формах взаимодействия и совместного развития (в том числе посредством кооперации). Кооперация является одним из способов оптимизации и получения дополнительных системных эффектов, вследствие чего кооперированные структуры оказываются более мощными, чем отдельные входящие в них компоненты. Однако та же практика доказывает, что не всякая кооперация приводит к оптимизации деятельности, а неверные решения

могут угнетать (снижать эффективность) компонентов в отличие от их свободного состояния (подробнее см. § 42).

Примечание 2. Все многообразие отношений и взаимодействий, в которых находятся различные объекты, в том числе развивающиеся, является предметом рассмотрения общей онтологии (Глава 4). Здесь представляется важным рассмотреть *отношения конкуренции* (соревнования, соперничества, борьбы).

Наиболее обсуждаемыми и исследованными видами конкуренции являются а) конкуренция товаров и услуг, в том числе их потребительских качеств, б) конкуренция хозяйствующих субъектов – производителей товаров и услуг, в) конкуренция частных лиц и социальных групп, в том числе на уровне культур и субкультур. Остается несколько «в тени» конкуренция глобального уровня – между цивилизациями, государствами, между государствами и крупнейшими финансово-хозяйствующими субъектами.

Все существующие уровни конкуренции (товаров, частных лиц, хозяйствующих субъектов, государств, культур) разнообразно пересекаются и взаимодействуют между собой.

Ввиду особой важности национального уровня конкуренции для дальнейшего анализа развивающихся объектов в социальной сфере, необходимо остановиться на нем специально.

Начать необходимо с того, что возникающую порой полемику о возможности или невозможности самого концепта «конкуренция наций» считаем надуманной. Аргументы радикальных либералов-экономистов о том, что возможна лишь конкуренция товаров и хозяйствующих субъектов исходят исключительно из концепций буржуазной версии трактовки причин социальной динамики и глобализма, а также преднамеренно лживой идеологии и не имеют никаких научных оснований – тем более в условиях одновременного существования и использования различных международных индексов, фактически отражающих национальную конкурентоспособность (разработка и мониторинг самих индексов, кстати, используется как эффективный идеологический инструмент и тем самым как инструмент конкуренции). И хотя, как отмечает М. Э. Портер, убедительных теорий и общепринятых определений национальной конкуренции не существует, тем не менее «национальная конкурентоспособность стала одним из центральных предметов озабоченности правительства и отрасли в каждом государстве»⁵⁰. Таким образом, национальный уровень конкуренции бесспорно существует и потому является обоснованной научной конструкцией⁵¹. Есть все основания для рассуждений о межнациональной и межгосударственной конкуренции, о национальной конкурентоспособности как самостоятельном феномене, отличая его от конкуренции и конкурентоспособности товаров, конкуренции и конкурентоспособности товаропроизводителей.

Национально-государственная конкуренция в настоящее время во всех странах мира ставится как самостоятельная проблема, которая требует специального решения, учета и механизмов поддержания.

Само понимание конкуренции сформировано в отечественной научной литературе достаточно давно, *конкуренция понятна*⁵². Непонятны романтические иллюзии, остающиеся у многих, в том числе у руководителей, что их минует чаша сия. Или иллюзия о том, что национальная конкуренция ведется какими-то иными («более гуманными») способами.

Конкуренция – это всегда конкурентная война и это всегда «война без правил». Самое опасное заблуждение – вера в добропорядочность конкурентов, в том числе это касается нашей страны. Конкурентов (в том числе под личиной «партнеров») интересуют только они сами и

⁵⁰ Портер М. Э. Конкуренция. – М., 2000. С.166.

⁵¹ См. особенно работы М. И. Гельвановского, наиболее активно и последовательно отстаивающего данный концептуальный подход (Гельвановский М. И. Национально-государственная стратегия конкурентоспособности как основа промышленной политики России // Промышленное развитие России: ключевые проблемы и решения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2004. С. 58–70, другие работы данного автора).

⁵² См., например: Юданов А. Ю. Конкуренция: Теория и практика. – М., 1998.

они делают только то, что выгодно им самим. В своих взаимодействиях с конкурентами («партнерами») они решают лишь одну задачу – вынуждают всех своих «партнеров»-конкурентов (в том числе Россию) делать то, что выгодно им.

Реальная практика межгосударственных взаимодействий позволяет преодолеть романтические иллюзии конца 1980-х гг. в СССР-России⁵³, делая более понятным и прозрачным тот факт, что конкурентная борьба между государствами в современном мире имеет тенденцию к постоянному усилению. Разные страны не только не «плывут в одной лодке», даже не просто соревнуются в открытой борьбе, а, напротив, всячески мешают плыть другим «лодкам», применяя все более изощренные методы конкурентной борьбы. Поэтому в современную эпоху успешная конкурентная борьба на межгосударственном уровне является одним из важнейших условий для обеспечения национальной и экономической безопасности страны.

Межгосударственная конкурентная борьба велась и ведется по двум классическим жестким (и часто жестоким) правилам (более известным из конкуренции в бизнесе): *первое правило* – уничтожь конкурента, удерживай на низком уровне конкурентоспособность либо ослабь его и сделай неконкурентоспособным; *второе правило* – постоянно повышай собственный уровень конкурентоспособности.

В международной практике обычно сочетаются оба правила. Однако, например, в политике Англии и США относительно реальных и возможных конкурентов всегда доминирует первое правило. Например, Англия на протяжении десятилетий жестоко пресекала попытки любой страны посягнуть на ее индийские владения, даже не только с целью вывести их из-под контроля Англии, но даже попытаться конкурировать с ней либо создавать условия для возможности такой конкуренции. Например, беспрецедентной по накалу была битва Англии против строительства Суэцкого канала в середине XIX века. Причем, премьер-министр Англии того времени Г. Пальмерстон не скрывал причин такого противодействия – потеря Англией всех преимуществ, которыми она обладала в Азии⁵⁴. Действуя против строительства канала, Англия препятствовала снижению собственных конкурентных преимуществ даже вопреки очевидной прогрессивности данного проекта для всего человечества.

Более современный пример. Известно, что перед разведывательным сообществом западных стран поставлена задача содействовать всеми возможными средствами защите коммерческих интересов ведущих зарубежных фирм и корпораций в современной российской экономике, обеспечивая реализацию стремлений иностранного финансового капитала оказывать влияние на направленность и темпы реализации важнейших российских государственных программ в области обороны, науки и техники, способствовать вытеснению продукции России с международного рынка вооружений и военной техники, получению неограниченного доступа к стратегическим минерально-сырьевым ресурсам нашей страны, к современным технологиям, навязыванию контрактов на поставку устаревших и экологически вредных производств и технологий. После 2014 года конкурентная борьба перешла в острую фазу – через воздействие путем санкций.

Межгосударственная конкуренция – комплексный и многоаспектный феномен. Целью конкурентной борьбы является обеспечение собственных национальных конкурентных преимуществ во всех сферах жизнедеятельности общества с использованием широкого спектра методов и средств. Конкурентная борьба претерпевает постоянную эволюцию в комплексе целей, задач, используемых методов и форм, в наборе которых постоянно присутствовали и эволюционировали антигуманные и противоправные действия.

⁵³ См. особенно: Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988.

⁵⁴ Гальский Д. Великие авантюры: История создания Суэцкого и Панамского каналов. М.: Прогресс, 1986. С. 142–143.

Основания для социально-культурного, геоэкономического, геополитического противостояния культур, цивилизаций, стран различны. Например, основания противостояния великих цивилизаций России и Запада сочетают в себе следующие основные факторы:

- различие ресурсного потенциала (в России существенно больше, на Западе меньше различных природных ресурсов);
- разные темпы и масштабы потребления ресурсов (на Западе потребляют больше, в России меньше: так, по научным оценкам, если бы весь мир сегодня потреблял такими темпами, как потребляют в США, все разведанные ресурсы планеты были бы исчерпаны за 5–7 лет);
- успешность альтернативного Западу проекта мироустройства на основе морали, совестливости, справедливости, уважения к людям других культур и цивилизаций, привлекательность этого проекта для большинства народов мира, для простого человека (человека труда), отсюда в политике – антиколониализм, неприятие рабства и иных форм неравенства людей, элитарного устройства мира – в отличие, например, от иерархического мира немцев, элитарного мира англосаксонской культуры, множества иных культурных миров Азии, Южной Америки, Африки.

Сущность установки Запада на неприятие России лучше всего выражена в следующих словах А. П. Андреева: «Со стороны Запада (Европы) всегда отмечалось устойчивое неприятие России в двух ее образах: равновеликой ему геополитической державы и русского человека с его историческим правдоискательством и обретением универсальных смыслов бытия. Не секрет, что одна из основных целей Запада сегодня – не допустить национального возрождения России. Нельзя не видеть этой истины и недооценивать того, что пишут З. Бжезинский, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, говорят европейские политики. «Мы хотим управлять последствиями распада Советской империи», – заявила в свое время М. Олбрайт»⁵⁵. Это подтверждается всеми современными установками и действиями, направленными на всемерное ослабление актуального и стратегического потенциала России, ресурсно-захватническое отношение ко всему постсоветскому пространству и странам Восточной Европы⁵⁶. Например, «старая добрая Англия» не меняет своей «привычки» стремиться быть господами над миром, подчинять себе мир, управлять им в собственных интересах. Она не простила и не простит советской России-СССР осуществления антиколониальной и анти-аристократической концепции, провоцирования крушения колониальных империй как результата резонанса по всему миру советского опыта 1917 года. Именно Англия способствовала сраиванию СССР и Германии в XX веке. Она, теперь вместе с США, сегодня вновь пытается вернуть мир (и Россию) в квази-феодалное неоколониальное состояние.

Противостояние России и Запада неспроста имеет многовековую историю. Причем, оно настолько далеко уходит вглубь веков, одновременно настолько актуализируется в современности, что представляется идущей в столь же необозримое будущее⁵⁷.

К этому добавляется противостояние России с Японией и Китаем за те или иные территории и виды ресурсов (две крупные войны с Японией в 1905–1907 гг. и 1945 году). Анало-

⁵⁵ Андреев А. П., Селиванов А. И. Русская традиция. М., 2004. С. 21.

⁵⁶ Пожалуй, кроме Германии и Польши: Германии по понятным причинам стремления к ее объединению, исходящему от немцев, несмотря на серьезные сложности процесса реинтеграции, Польши – как давнего и верного проводника англосаксонской политики в Восточной Европе. Польская элита (шляхта) исторически проводила антироссийскую политику, имела имперские амбиции, возникшие на этой почве национальные комплексы, а после второй мировой войны ее антироссийская часть получила всестороннее воспитание в США. Это придало организационное оформление тайным желаниям и скрытым фобиям, в том числе антироссийским (наиболее ярким выразителем которых стал З. Бжезинский, патологически ненавидящий все российское и советское – см.: Селиванов А. И. Бжезинский: антироссийская паранойя польского нациста, американского масона и внекультурного маргинала // Политическое образование. 21.07.2014. <http://www.lawinrussia.ru/node/299980>.), а также сформировало влиятельное лобби в американском истеблишменте.

⁵⁷ Подробнее см.: Андреев А. П., Селиванов А. И. Указ. соч.; Селиванов А. И. Великая Отечественная война как историческая реальность и как информационный образ в современных цивилизационных войнах // Вестник АЭБ МВД России. М., 2010. № 5.

гичные ремарки можно сделать в отношении Турции (ее пантюркистские устремления). Все это также сопровождается как военным, так и экономическим и политическим противостоянием, продолжающимся по сей день. Противостоянием, которое в настоящее время реализуется в виде стремления всеми правдами и неправдами внедриться в российскую политическую и экономическую систему и взять ее под полный контроль.

Причем, двухсотлетняя история человечества показала, что внедрение западной, особенно англосаксонской, культуры в любых ее измерениях в любые регионы планеты и страны уничтожает народы, государства, культуры, приносит пользу только (и исключительно) узкому слою наиболее знатных и богатых представителей этой культуры, богатому населению (в современную эпоху особенно Великобритании и США, но также и некоторому узкому слою «национальных элит» колонизируемых стран). При этом в любой стране появляется (взрачивается) узкий слой населения, становящийся активным проводником и пропагандистом европейского (англосаксонского) образа жизни и системы ценностей европейских элит, имиджа этих стран, субъектом распространения мифа этой национальной культуры, которая, наряду с немногими другими национальными культурами, претендует на роль всевластной мировой субкультуры с претензией на доминирование в мировом сообществе. В середине XX – начале XXI века – это культура англиканско-ветхозаветного типа, элитарная (аристократически-олигархическая), проповедующая радикальный индивидуализм и либерализм, неоколониализм, строит финансовый капитализм, соединяющий в себе феодально-аристократический элитаризм с элитаризмом буржуазным, но четко сохраняющий главный стержень данной традиции – циничное презрение ко всем слоям, народам и странам, не относящимся к представителям данной элиты⁵⁸.

Это гораздо более «долгоиграющее» основание вражды Запада с Россией, чем даже фашизм и национал-социализм. В связи с достаточно массовым распространением такой идеологии среди населения самих англосаксонских стран (несмотря на то, что сами они столетиями живут бедно и в услужении своим господам, но они всегда готовы воевать ради этого, для обретения данного статуса над другими людьми и народами, коль скоро это не удалось в собственной стране), то данный тип идеологии можно назвать *национал-элитаризм*. И именно эта идеология в трансформированном виде стала причиной как второй мировой войны, так и распространения итальянско-германской версии элитаризма – фашизма и национал-социализма.

Поэтому один из выводов – конкурентная борьба с Россией не окончена. Она и не может быть окончена, поскольку это делящаяся во времени геополитическая и геоэкономическая данность. Просто борьба постоянно становится иной, включая в том числе все более широкий спектр экономических рычагов.

Еще одно подтверждение этому можно найти в работе Дж. Перкинса, раскрывшего одну из тайн деятельности специализированных экономических подразделений США в 1960–1970-е гг. Речь идет о подразделениях «экономических убийц». «Экономические убийцы (ЭУ) – это высокооплачиваемые профессионалы, которые выманивают у разных государств по всему миру триллионы долларов. Деньги, полученные этими странами от Всемирного банка, Агентства США по международному развитию (USAID) и других оказывающих “помощь” зарубежных организаций, они перекачивают в сейфы крупнейших корпораций и карманы нескольких богатейших семей, контролирующих мировые природные ресурсы. Они используют такие средства, как мошеннические манипуляции с финансовой отчетностью, подтасовка при выборах, взятки, вымогательство, секс и убийства. Они играют в старую как мир игру, приобретающую угрожающие размеры сейчас, во времена глобализации»⁵⁹. Их работа заключается в «под-

⁵⁸ Подробнее: Селиванов А. И. Война против России: новый этап мировой дьяволиады агрессивных англо-саксонских элит // Политическое образование. 09.09.2014. <http://www.lawinrussia.ru/node/301121>; Селиванов А. И. Война миров: англосаксонский мир против русского мира // Политическое образование. 02.10.2015. <http://www.lawinrussia.ru/node/379168>.

⁵⁹ Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. – М., 2005. С.13.

талкивании лидеров разных стран мира к тому, чтобы они становились частью широкой сети по продвижению коммерческих интересов Соединенных Штатов. В конце эти лидеры оказываются в долговой ловушке, которая и обеспечивает их лояльность», и их можно использовать, когда это будет нужно США, «для удовлетворения... политических, экономических или военных нужд»⁶⁰.

Есть все основания полагать, что аналогичная и все более сложная работа продолжает вестись и в наше время, и не только США, но и всеми другими развитыми странами. Не приходится сомневаться в том, что продавливание в мире собственных национальных и корпоративных интересов – это отработанная система. В этих целях используются различные социальные технологии – локальные конфликты, политические перевороты, деятельность «криминального интернационала» и террористических организаций, политическая и административная коррупция, правовые и политические технологии, информационные технологии и т. д., и т. п. Эта «большая игра» рассчитывается множеством интеллектуальных центров, проектируется, место каждого элемента в ней вполне определено⁶¹.

Еще некоторые штрихи «к портрету»: политический переворот в Чили в 1973 году был осуществлен концерном ИТТ в интересах контроля 40 % мировой меди, добываемой в этой стране⁶². Аналогичны ситуации вокруг Афганистана, Ливии, Сирии. Сейчас происходит поставка под контроль туркменского газа, других ресурсов Центральной Азии. Эти технологии применяются и в восточноевропейских странах, и в Азии, и в России. Причем, умело используются ситуации нестабильности, специально разрабатываются, внедряются и провоцируются определенными финансово-экономическими группами и транснациональными корпорациями, превратившими эту сферу деятельности в крупный бизнес. Выгодность таких проектов двояка: стратегическая (сохранение западного мира и расширение сферы их геополитического господства) и тактическая (получение сверхприбылей). Так, получение сверхприбылей посредством переворотов обеспечивается за счет игры курсов мировых валют и уничтожения паритета действительной стоимости товара и его финансового выражения (цены), мнимой нерентабельности предприятий и стоимости товаров, исчисляемой в долларовом эквиваленте и т. д.; оттока капиталов из нестабильных регионов и фактического превращения их в инвесторов западного мира; разрушения целых секторов экономики в «осваиваемых» государствах, что высвобождает огромные сегменты рынка, приводит к расширению рынка оружия, высокотехнологичной продукции, позволяет сохранять и расширять такие производства (а значит, и науку, и образование) у себя; получения гигантского рынка дешевого сырья, рынка сбыта второсортной продукции и места для утилизации опасных отходов мирового производства; прямого или косвенного (проект Сороса) оттока «мозгов» и идей, дешевой и квалифицированной рабочей силы; получения новых сфер влияния и политически контролируемых сфер рынка за счет геополитических переделов, разделения государств на более мелкие и их подчинения; создания кабальных экономических условий и получения долгосрочной зависимости регионов; осуществления за счет получаемых в результате политических переворотов сверхприбылей; коррумпирования и подкупа чиновников (через «кредиты МВФ» и другие, специально созданные для этого структуры, что, лишь усугубляя экономические проблемы, усиливает процесс маргинализации общества, создает его финансовую зависимость, закрепляя тем самым стратегический выигрыш капиталистического миропорядка).

Следующая «серия» драматического и трагического спектакля противостояния цивилизаций, а также противостояния капитала национально-государственным образованиям в XX–

⁶⁰ Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. – М., 2005 С.16, 49.

⁶¹ Подробнее см. в работе: Хабибулин А. Г., Селиванов А. И. Стратегическая безопасность российского государства: политико-правовое исследование. Изд-е 2. М., 2011.

⁶² Этот и многие другие хрестоматийные примеры социально-политических технологий управления процессами в мировой экономике давно вошли в гарвардский учебник: Линдерт П. Х. Экономика мирохозяйственных связей. 10-е изд. – М., 1992.

XXI веках разворачивается сегодня. Эта «серия» связана с разворачиванием следующего типа войн, которые условно можно объединить в войны управленческого типа («управленческие войны»). Так, если Россию не удалось подчинить либо уничтожить, как жителей островов Юго-Восточной Азии или индейцев Северной Америки, то используются другие варианты. Поэтому в некоторых аспектах войны на смену силовым методам борьбы пришли технологии «soft power», сетевые войны и несиловые воздействия⁶³. Все более широкое применение находят методы информационной войны⁶⁴.

Однако боязнь конкурентного противостояния – это позиция страуса. Нужно к нему готовиться во всеоружии, если не хотеть быть раздавленными или разорванными на части в условиях обострения конкуренции.

Примечание 3. Конкуренция социальных субъектов и частных лиц осуществляется в экономической, политической, правовой, общекультурной и иных сферах жизни. *Поля, параметры и характеристики* взаимодействия и конкуренции культур и цивилизаций, иерархия параметров эволюционируют во времени.

Основные сферы конкурентной борьбы в современном мире и на обозримую перспективу:

- научная – социально-гуманитарная, естественно-научная и научно-техническая, интеллектуальная (в широком смысле слова);
- общекультурная и образовательная;
- информационно-идеологическая;
- административно-управленческая;
- экономическая (включая перспективы роста);
- ресурсная и энергетическая;
- финансовая;
- внутривнутриполитическая;
- геополитическая и внешнеполитическая, включая границы;
- геоэкономическая, включая планетарные коммуникации;
- военная и военно-техническая;
- демографическая;
- продовольственная, включая сельское хозяйство;
- водная;
- экологическая;
- предупреждения и эффективности ликвидации техногенных и природных катастроф;
- правовая, включая криминогенность законодательства, противодействие криминальной и террористической активности.

Данный перечень сфер межгосударственной конкурентной борьбы не является строго иерархическим и полным, т. е. в нем нет существенно более важных либо существенно менее важных направлений. Все они взаимосвязаны между собой, хотя в тот или иной период может доминировать одно или несколько направлений. Причем, *данный перечень носит интегральный характер*, что означает органическую взаимосвязь всех его компонентов, ни один из которых не может быть проигнорирован без ущерба для состояния конкурентоспособности. В этой связи набор мер конкурентной борьбы должен охватывать все сферы как в плане научной проработки и постоянного мониторинга⁶⁵, так и в плане формирования постоянно действующих

⁶³ См., например: Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М., 2009; см также другие работы Центра проблемного анализа и государственно-управленческого конструирования: <http://rusrand>.

⁶⁴ См. журнал «Информационные войны», множество монографий и других публикаций на эту тему.

⁶⁵ См. наше описание требований к системе мониторинга в работе: Аналитическое обеспечение принятия управленческого решения/ Под ред. А. И. Селиванова. М: ИПКгосслужбы, 2005. С. 15–20.

государственных структур, ответственных за выработку, реализацию и контроль исполнения рекомендаций и разработанных мероприятий.

Существует и имеет постоянно развивающийся характер набор методов и средств ведения конкурентной борьбы, осуществления собственной активности и противостояния активности иных государств как на территории страны, так и на международной арене практически в каждой из выделенных сфер. Набор данных методов и средств имеет широкий спектр, в который включаются как правовые, так и противоправные, экстремистские, радикальные, а также аморальные методы, обобщенные еще в работе Н. Макиавелли «Государь»⁶⁶. В реальной практике используется практически весь спектр возможных методов, который варьируется в зависимости от страны применения.

Особо необходимо отметить криминальный бизнес. Его значимость для современного либерально-элитарного управления миром заключается в том, что кроме сверхприбыльности, он обеспечивает возможность получения неконтролируемых обществом «черных денег», которые могут быть использованы в любых целях, включая цели различных субъектов легальной экономики. К этому вынуждает относительная прозрачность западной финансовой структуры, которая не позволяет получать «черные деньги» честными путями, а такие «черные деньги» нужны для других целей (особенно для осуществления геополитических технологий) в большом количестве. Поэтому контроль наркобизнеса и каналов наркотрафика становится ареной ожесточенных конфликтов. Пакистан, Афганистан, Средняя Азия, Ближний Восток, Чечня, Косово, Кавказ – только перечисление этих точек, которые являются традиционными пунктами производства и каналами поставки наркотиков, и связанные с ними события показывают всю их значимость для большого бизнеса, в который сейчас включена часть политической и деловой элиты ряда государств, имеет место даже участие военных сил государств в «урегулировании» в том числе и наркопроблем⁶⁷.

Причины обострения конкуренции за будущее понятны – население на планете растет, растут его потребности, а природные ресурсы неуклонно уменьшаются. У различных стран и народов разный потенциал, разные перспективы, разные претензии, разные способы выживания в новом мире, но появляется все больше народов и стран, отстаивающих собственные ценности. В последние десятилетия все отчетливее проявляется тенденция к усилению самостоятельности регионов планеты в реализации и продвижении своих интересов – Индии и Китая в Азии, многих стран Южной Америки, на очереди уже африканские страны.

§ 12. Глубинным основанием духовного (идеального) комплекса, социальности и строя культуры, практической деятельности, форм и характера поведения человека, оптимальных форм организации и управления человеческой деятельностью являются метафизические конструкции и сокрытые в этих базовых метафизических «кристаллических решетках» культур (и встроенных либо сосуществующих с ними субкультур) глубинные смыслы бытия культурных традиций. Это относится к человеку-личности, человеку-обществу, человеку-цивилизации. Метафизические конструкции являются важнейшим основанием *сущности и формы* социально-культурной деятельности человека, как следствие, социально-культурной динамики во всех ее проявлениях, способов организации и управления человеческими сообществами.

От содержания метафизических оснований, характера их освоенности и осмысленности, глубины и полноты теоретического понимания и практической реализации напрямую зависит степень конкурентоспособности и конкурентный потенциал каждой культуры и цивилизации.

⁶⁶ Макиавелли Н. Государь (сборник) – М: Эксмо, 2009.

⁶⁷ Если с момента вывода советских войск из Афганистана производство героина в этой стране, контролируемой войсками США, выросло в 50 раз и составляет сегодня 95 % мирового производства героина, нетрудно понять истинные цели афганской операции США. Так же обстоит дело в других видах криминального бизнеса. Есть указания на то, что наркоденыги входят в сферу интересов семьи Ротшильдов, что объясняет многое в событиях в Центральной Азии.

Метафизические основания времени, процессуальности (в том числе в теории развития) являются краеугольным камнем метафизических конструкций, потому – фундаментальным основанием наличия и реализации перспектив самоосуществления каждой конкретной культуры в современную эпоху, формирования и реализации стратегий развития человеческих сообществ и культур, конкурентоспособности культур, характера конкуренции культур и характера межцивилизационной конкуренции за будущее, фундаментом потенциального взаимодействия между культурами и цивилизациями, способом поиска целей и смыслов, единых для всего человечества.

В условиях различных метафизик познание процессуальности различно. И это тоже – элемент и основание самоосуществления и конкуренции.

Комплексная материалистическая интерпретация обусловленности духовно-культурного бытия метафизическими основаниями разворачивается в Главе 7. Пока необходима и достаточна собственно констатация того, что основанием духовного (идеального) комплекса каждой культуры, всех мировоззренческих систем и духовности в целом являются метафизические основания «кристаллической решетки» культуры (субкультуры) (§ 9) и некоторое дискурсивное доказательство органичности (непротиворечивости) данного тезиса для материалистической философии (§ 12–14).

Примечание 1. Казалось бы, материализм по своей природе может исходить лишь из первичности материальных потребностей («есть, иметь жилище и одеваться...»). Однако на деле все не так прямолинейно⁶⁸.

Во-первых, из того, что человек должен «есть, иметь жилище и одеваться...» никто никогда не делал вывода о том, что *только этим* должна определяться жизнь, интересы, потребности человека, *только на это* расходоваться все физические и духовные силы человека, *только это* служить мотивом его деятельности и тем более – что *только это* является (должно являться) единственным смыслом и целью человеческого бытия как во всех конкретных жизненных случаях, так и в удаленном будущем. Да, в материалистической философии никто не оспаривает того, что все потребности человека-личности, общественные материальные и идеальные отношения (экономика, политика, право, религия, метафизика и мировоззрения, все виды отношений, идей, духовной (идеальной) деятельности) могут происходить в человеке лишь когда он живет и удовлетворяет жизненные потребности, что экономика, политика, право существуют во многом как следствие («надстройка») над экономическими отношениями («базисом»), особенно в европейской культуре. Но это лишь часть истины. Другая ее часть заключается в том, что отношения и связи между компонентами и уровнями материального и идеального бытия имеют гораздо более сложную природу, все существенно сложнее и многомернее.

Да, материализм справедливо говорит и должен продолжать говорить о генетической первичности материального по отношению к идеальному. Но при этом необходимо понимать, что эта абстракция, которую всегда необходимо конкретизировать, связывать с конкретным материальным объектом. В таком случае оказывается, что многие формы идеального предшествуют тому или иному материальному объекту или отношению, существуют задолго до возникновения множества конкретных материальных объектов. Кроме того, нужно понимать, что возникновение некоего материального в виде конкретного объекта есть всегда одновременно возникновение идеального данного материального образования. Причем, такого идеального, которое начинает организовывать материальное (§ 22).

⁶⁸ Здесь нет необходимости останавливаться на примитивных формах материализма – механистическом, физиологическом, вульгарном, например, на модели истекания мысли из мозга наподобие физиологических функций других органов и т. д. В современной философии они практически не случаются.

Понятно поэтому, что человек как материальная физико-химико-биологическая сущность порождает и формирует собственное идеальное, которое для каждого конкретного человеческого объекта (одновременно субъекта) становится важным, а *во многих отношениях* ключевым компонентом его сущности и форм проявления сущности. Происходя из бездуховной материи, поддерживаясь бездуховной материей, без нее и вне нее не существуя, дух становится относительно самостоятельным сущим, формирует поле собственных законов; он начинает определять действия человека (в том числе действия материальные) в не меньшей мере, чем собственно материальное тело. Дух обретает качества, способные детерминировать естественно-материальную природу – сначала путем взаимодействия на нее внутри личности человека, затем – в социально-культурном пространстве. Духовные потребности, интересы, мотивы, далее смыслы и цели становятся вполне самостоятельными и значимыми детерминантами человеческой деятельности и поведения. Духовность и социальность человека оказывается столь же сущностной, как и биологические компоненты природы, *несмотря* на то, что они произрастают на биологическом (материальном) древе и одновременно – *вследствие* этого (т. к. они основаны на *такой*, а не *иной* материальной природе человеческого тела и потому обладают *такими*, а не *иными* качествами идеального (духа) и социального⁶⁹).

Во-вторых, и материальные, и духовные потребности, интересы, мотивации, смыслы и цели складываются как результат воздействия всех компонентов природы человека – биологического, психического, социально-культурного. Причем, комбинации воздействия всех компонентов природы человека на основания его деятельности различаются в разных отношениях, ситуациях, относительно разных объектов и субъектов, в разных культурах и в различные исторические периоды⁷⁰. Антропологический материализм должен исходить из этой сложности природы человека как *человека*. Поэтому в системе детерминации человеческой деятельности все три компонента⁷¹ потребностей, интересов, мотивов, целей, смыслов имеют и предьявляют «равные права». То, что человек руководствуется не только биологическими, но и психическими, социальными, культурными мотивами, а также духовно-культурными целями, смыслами и формами деятельности – принципиальное отличие человека от остальной природы.

В-третьих, по мере становления человека *человеком*, далее – исторического взросления человека все более формируются, проявляются психические и социально-культурные компоненты оснований его деятельности, которые (постепенно) начинают доминировать в разных отношениях, субъектах, ситуациях и которые одновременно (постепенно же) организуются в метафизические «кристаллические решетки» культуры. Все компоненты культуры в их собственной сущности начинают все больше определяться этими «кристаллическими решетками» культуры, социальным выражением которых является традиция. Это *закон возвышающейся духовности и возвышающейся роли духовности в детерминации человеческого поведения и деятельности*, которому подчиняется в своем развитии каждая культура. Причем, речь идет о *возрастании духовности* во всех ее компонентах – глубины метафизики и ее реализаций в виде систем мировоззрений (уровня философии, качества божеств и уровня веры, мистики), научных знаний, методологии познания, умений, творчества, морали, художественной культуры и эстетики, характера экономических, политических и правовых отношений и т. д.

В данном исследовании философски обосновывается и выдвигается как базовый подход, в котором утверждается, что особенно в ряду мотивации высших смыслов и целей (то есть особенно *в данном отношении*) на достигнутом уровне развития ключевых культур современно-

⁶⁹ В палеонтологии установлено, что неандертальцы, обладая несколько отличной биологией от кроманьонца, имели иные психические (в том числе интеллектуальные) и социальные возможности, обрели иную историю собственного вида.

⁷⁰ Необходимы конкретные исследования во всех отношениях, применительно к разным субъектам, которые способны дать более точные оценки.

⁷¹ Био-, психо-, социо-

сти метафизические основания играют решающую, ключевую роль, в особенности и в первую очередь – это метафизические основания времени и процессуальности. Данный подход, как показано, не противоречит материалистическому пониманию и объяснению оснований человеческой деятельности, ее мотивации, природы социальных интересов и потребностей, смыслов и целей, но развивает его.

Примечание 2. Доминантное положение метафизики процессуальности и времени в осуществлении культурной деятельности современного человека (личности, общества, цивилизации) определяется следующими фундаментальными обстоятельствами:

1. Метафизика процессуальности и времени «ответственна» за метафизическую интерпретацию динамических аспектов бытия, а без и вне данного аспекта метафизика не может быть полна по законам существования *всяких* целостностей.

Действительно, поскольку в объективном материальном и идеальном бытии динамичность, процессуальность *есть*, то человеческая мысль и деятельность в условиях процессуальности бытия предполагает определенное познание и осмысление процессуальности, связи прошлого, настоящего и будущего, формирование отношения к прошлому, настоящему и будущему, объяснения, понимания и интерпретации процессуальности на метафизическом уровне. Без такой интерпретации в духе, в мысли материальной и идеальной объективной реальности человек не может в ней адекватно ориентироваться.

Кроме того, цели и смыслы по их собственной природе в принципе не могут существовать (возникать) вне времени, вне процессуальности (процессуальности бытия, интерпретированной в процессуальности метафизики). Они суть формулировка установок и устремлений человека в уверенности в процессуальности бытия, в его длящемся характере, уверенности в существовании событий за пределами данности, сиюминутности, в существовании следующих за данностью состояний и событий. В особенности это относится к предельным смыслам и великим целям, органически предполагающим удаленные от данного момента состояния.

Причем, как отмечено, собственно характер метафизических оснований интерпретации может быть различным – спектр интерпретаций от предельных типов полного покоя – до перманентного движения.

2. Процессуальность, протяженность во времени трансформирует и делает объемными потребности, мотивы, интересы человека в самой объективной реальности и во встрече с ней человеческой духовности. Они перестают быть сиюминутными, в них появляется «временная размерность», «временная модальность», они начинают делиться на периоды, в них появляется очередность, оценка степени важности различных этапов, они в себе начинают ранжироваться по важности удовлетворения той или иной потребности в настоящем или через некоторое время (в будущем), различие интересов и мотивов «сейчас» и «позже», оценок прошлых и будущих потребностей, интересов и мотивов и т. д. Причем, «временная модальность», включающая в себя оценки и ценности, уже высвечивает метафизические основания – потребности, интересы, мотивации опосредованы метафизическими интерпретациями процессуальности.

Однако если потребности, интересы, мотивации лишь *опосредованы* метафизическими интерпретациями процессуальности, то «великие цели» и «предельные смыслы» непосредственно создаются (порождаются, формируются, организуются) метафизическими интерпретациями процессуальности. Без и вне метафизических интерпретаций следования событий друг за другом, протяженности во времени появление великих целей и предельных смыслов невозможно. Именно метафизика протяженности во времени, связи времен обуславливает возможность появления великих целей и предельных смыслов. Сами метафизические основания в зависимости от характера имеющегося в них динамизма порождают те или иные «великие цели» и «предельные смыслы» и последние в сущности своей являются непосредственными феноменальными проявлениями метафизических оснований процессуальности. Эмпирически

это доказывается анализом в случае каждой отдельной культуры, что является фактологической доказательной базой данного тезиса.

3. Метафизика духа – это комплекс, включающий в себя множество компонентов⁷². Компоненты данного комплекса, ответственные за динамизм метафизики и метафизическую интерпретацию процессуальности объективной реальности, естественным образом являются ключевыми в формировании детерминантов внутренней и внешней активности метафизики (как некоего структурируемого целого). Соответственно, феноменальные проявления метафизических конструкций, которые несут в себе процессуальность, временность, детерминацию процессов, оказываются доминантными во внутренней и внешней активности (собственно реализации) метафизических конструкций – таковыми становятся «великие цели» и «предельные смыслы», а также овремененные компоненты потребностей, интересов, мотивов.

Принципиально важно, что самоосуществление культур определяется силой мотивации материальной и идеальной деятельности ее носителей, в том числе и в особенности силой социальной мотивации (в том или ином отношении, для той или иной потребности или цели) той или иной метафизики. Поскольку мотивации различных метафизик – разные в отношении различных целей.

От глубины и полновесности проявления и осмысления метафизических оснований процессуальности, степени комплексности теоретического их освоения зависит полнота их реализации и масштаб воздействия на культуру в целом.

Примечание 3. Важная для философской теории деталь – соотношение диалектики и метафизики.

Использование понятий «метафизика», «метафизические конструкты» в диалектической философии может показаться невозможным или, по крайней мере, нелогичным. В том числе в виду известной дискуссии XIX – начала XX века, развернутой Г. Гегелем, в том числе с участием материалистов и В. И. Ленина, в которой диалектика противопоставлялась метафизике и рассматривалась как антипод диалектики.

Однако в сути своей это была критика метафизики, еще не поднявшейся до понимания развития, «жившей» еще вне «стрелы времени», в стационарности, не вполне освоившей даже диалектику стационарности (древнегреческую диалектику) и индусскую диалектику. Такая метафизика трактовалась как абсолютная стационарность, самоотждественность себе идеальных оснований бытия.

Однако такое отождествление метафизики и покоя, противостоящее диалектике движения, корнями уходящее в некоторые течения древнегреческой метафизики и диалектики и индусской метафизики и диалектики (в том числе взятых за основу Г. Гегелем) – суть ничто иное, как проявления метафизики стационарного мира (хотя стационарного мира в его диалектичности, но в диалектике динамики без развития). Отождествлять всю метафизику с этими ее конкретно-культурными формами в современной философии нет оснований и попытки И. Канта, Н. А. Бердяева, М. Хайдеггера и других мыслителей восстановить метафизику в ее правах, поднимая ее на новую высоту, должны восприниматься как серьезная и актуальная установка для современных философских исследований.

Метафизика как совокупность глубинных идеальных (духовных) оснований культуры в европейской и русской культуре предполагает диалектичность покоя и движения (традиции и новаций) в развитии, в более глубоком виде динамизма, который лишь начинал осваиваться в трудах Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса. Диалектика как учение о развитии – есть феноменальное философическое проявление (отражение, «философская модель») такого типа метафизики.

⁷² Материалистическая интерпретация метафизики как комплекса дается в Главе 7.

§ 13. Каждый развивающийся объект осмысливается с позиции разных мировоззренческих парадигм, формируя множество моделей мировидения, миропонимания. Они сосуществуют, дополняя друг друга, в чем-то более успешно, в чем-то менее успешно интерпретируя его понимание, оставаясь при этом последовательными в принципах собственного мировоззрения (метафизики) и внутренней логике. Это следует как из специфического характера эволюции идей Просвещения в Европе, России и мире, современного состояния науки в различных странах, так и из потенциала развития научного познания на основе иных компонентов, не присущих европейской рациональности, таких как специфика логико-понятийного, основанного на иных логиках (потенциал Индии), иероглифического языка (Китай, Япония, Корея) либо присущих в меньшей степени, таких как морально-этические аспекты науки, творчество и рациональная интуиция (в чем оказалась более сильна Россия, обеспечив себе в XX веке безусловные преимущества даже над всей Европой и Северной Америкой вместе взятыми).

Концепции процессуальности, сформировавшиеся в различных метафизических и мировоззренческих системах, оказывают влияние на формирование сущностного содержания широкого спектра естественных, технических и социально-гуманитарных наук.

В связи с тем, что современные науки складывались преимущественно в рамках европоцентричных и русскоцентричных культур, органически впитавших в себя идею развития, то идея развития на протяжении XIX–XXI реализовалась во многих науках (Главы 8–9). Единым основанием формирования современных наук является идеология Просвещения, имеющая различные культурные формы.

Современная наука (в широком плане, как культурное явление, как социальный феномен) – это не только отвлеченно понимаемое познание и знание. В отечественной философско-методологической литературе понятно уже более полувека, что наука (как и любой иной социально-культурный феномен) – это а) совокупность социальных отношений (для науки – гносеологических отношений, то есть отношений по поводу познания природы, общества и человека)⁷³; б) совокупность социальных институтов, обеспечивающих функционирование и развитие науки; в) содержание науки как совокупности научных идей. Лишь такое понимание природы науки способно объяснить ее позиционирование в ряду иных культурных (социально-гуманитарных) феноменов, а тем самым – и в системе природы, в рамках которой живет и развивается человек и человеческое сообщество. Недопустимо говорить о науке лишь как о наборе идей, поскольку в этом случае получается абстрактное (оторванное от реальности) представление как о самой науке, так и о целях и результатах ее деятельности. Более того, данное представление, основанное на понимании разума как некой абстрактной внесоциальной сущности, во многом заводит в тупик идеологию и социальную практику проекта Просвещения, особенно основанную на индивидуализме XVIII–XIX века. Конкретное же рассмотрение науки естественным образом предполагает, что это не только набор идей, личностных усилий и индивидуальных способностей, но и совокупность определенных социальных отношений и институтов как принадлежности социально-культурных феноменов. В реальности человек не воспринимает и не позиционирует себя как абстрактного индивида, он включен в конкретные культурно-исторические общности, конкретный метафизический и культурный контекст. Все это вполне относится и к наукам о развитии.

Содержание и характер реализации идеи развития в каждой отдельной науке и типе наук различается по многим причинам:

– отличие метафизических оснований мировоззренческих систем, берущихся за основу теории процессуальности (развития) в той или иной научной теории (концепции), связанные

⁷³ Органически включенных в весь спектр социальных отношений – экономических, политических, правовых, гносеологических, морально-нравственных, эстетических, философско-мировоззренческих, религиозных.

как с цивилизационно-культурной, так и с социально-групповой (классовой) принадлежностью той или иной концепции науки;

– отличие характера и содержания культурной концепции Просвещения, в рамках которой развиваются базовые положения той или иной науки;

– специфика системы рациональности, характера соотношения эмпирического и теоретического и других параметров конкретных наук и научных концепций.

Наука как планетарный исторический феномен представляет собой комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих национально-культурных научных комплексов. Данные комплексы имеют собственные закономерности и этапы функционирования и развития, внося вклад в эволюцию науки в целом, но развиваясь в соответствии с собственными материально-идеально-человеческими комплексами – по отраслям науки, по степени вклада в общечеловеческую «копилку» и т. д.

Состояние и динамика науки (во всех ее аспектах) в той или иной стране зависит от состояния и динамики национально-культурного образования в целом.

Наука может и должна эффективно участвовать в национально-государственной конкуренции – потому в развитых и интенсивно развивающихся странах огромное внимание и приоритеты отдаются национальной науке и экономике. Более того, в настоящее время начинается эпоха масштабного освоения человеческого духа (идеального), основанного на нем управления и развития человечества. Острие противостояния разных метафизик и наук поэтому смещается еще и в эту сторону – пока незаметно для большинства людей.

Примечание 1. С некоторых пор в России и в мире в целом практически перестали говорить о социальной (тем более социально-групповой, в том числе классовой) природе науки, о ее отношении с различными социальными слоями и группами, хозяйственными и политическими акторами, органами государственной власти. Это произошло исключительно по идеологическим основаниям, исходящим от глобалистов и праволиберальных идеологов, пытающимся замаскировать активное использование науки в элитарных целях и ограничить доступ к ней демократического сообщества. Естественно, данный «отказ» от социальной природы науки не имеет никаких научных оснований, а сама ее «отмена» в либеральной науке и идеологии не отменила действительную социальную природу данного феномена человеческой культуры. Более того, есть все основания утверждать, что указанный признак (социальная и культурная обусловленность) является одним из ключевых в формировании и понимании природы науки, причем именно в смысле «конкретности» научного и философского познания (которое еще Г. Гегель справедливо противопоставлял абстрактности⁷⁴); этот признак есть фундаментальная сущность науки (как, впрочем, и всякого иного социально-гуманитарного феномена).

Базовым является утверждение, что любая наука является социально-культурным и историческим явлением. Мировоззренческие (и метафизические) основания науки обуславливают то, что и наука как процесс познания, и наука как система знания, и наука как социальный институт носят социально-групповой (в том числе классовый) характер. Никакая наука – ни естественная, ни техническая, ни тем более социально-гуманитарная – никогда не бывает внекультурной, внесоциальной (внегрупповой), внеисторической. Перефразируя К. Маркса, можно сказать, что сущность науки не есть абстракт, присущий некоему отвлеченному научному познанию и знанию, в своей действительности она есть совокупность всех социально-культурно-исторических отношений, складывающихся в конкретном человеческом сообществе в конкретный исторический период. Социально-групповое (в том числе классовое)

⁷⁴ *Абстрактность* в наиболее распространенном значении этого понятия означает отвлеченность от конкретности в ее целостности, потому абстрактность – это одновременно односторонность. *Конкретность* может достигаться как в практике в целом, так и спекулятивно, с помощью мысли, в том числе философской – на основе всесторонности и целостности. Причем, конкретность в философии и науке достигается порой гораздо более эффективно, чем посредством практических действий, часто оказывающихся реализацией односторонности, отвлеченности и абстрактности.

противостояние в сфере науки обостряется в современную эпоху, когда наука стала реальной производительной силой общества (как предвидел К. Маркс) и постоянно набирает мощь в воздействии на общество и природу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.